

КРАСАВИЦА

Р Е Н Е А Х Д И Е

ВАМПИРЫ ВЕРНУЛИСЬ, И ОНИ
СОБЛАЗНИТЕЛЬНЕЙ, ЧЕМ ПРЕЖДЕ

Young Adult. Сумеречная жажда. Рене Ахдие

Рене Ахдие
Красавица

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ахдие Р.

Красавица / Р. Ахдие — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Сумеречная жажда. Рене Ахдие)

ISBN 978-5-04-117647-1

1872 год. Семнадцатилетняя Селина сбегает из Парижа и отправляется в Америку. Она находит приют в женском монастыре Нового Орлеана. Поиски работы приводят ее в заведение «Львиные чертоги», которым владеет загадочный юноша Себастьян. Селине кажется, что все испытания остались в прошлом. Но накануне ежегодного карнавала город взбудоражен жестокими убийствами. Когда в «Львиных чертогах» находят тело девушки из монастыря, подозрения падают на Селину. Теперь ей нужно раскрыть мрачные тайны Нового Орлеана, чтобы спасти свою жизнь.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117647-1

© Ахдие Р., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Не то, чем кажется	7
Изучение противоположностей	10
К звездам	13
Тебя зовут Марселина Беатрис Руссо	15
Мальволио	23
Немного жестокости	28
Львиные Чертоги	37
Туссен[43]	43
Призрак	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рене Ахдие Красавица

Renée Ahdieh
THE BEAUTIFUL

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Городу Новому Орлеану, который не дает забыть, что за каждым
углом скрывается музыка
И Виктору, как всегда*

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.*

«Прорицание Невинного»¹, Уильям Блейк

Я хотела утром розы тебе преподнести,
Но собрала так много, что не унести,
Так много, что лентой нельзя стянуть.
Узлы порвались. И все розы рассыпались.
Разлетелись над морем, по ветру развеялись,
Усыпали воду, и их уже не вернуть.
Волны вспыхнули алым, точно пламя огня.
Но на моем платье еще остался аромат этого дня...
Вдохни запах воспоминаний.

Les Roses de Saadi, Марселина Деборд-Вальмор

Зима, 1872

Улица Руаяль

Новый Орлеан, Луизиана

Новый Орлеан – город, которым правят мертвые.

¹ Перевод С. Маршака.

Я помню, когда услышала об этом впервые. Старик хотел меня напугать. Он сказал, бывает, что гробы поднимаются из-под земли во время ливня и мертвые наводняют улицы города. Он утверждал, что знает женщину-креолку², живущую на улице Дофин, которая может общаться с духами из потустороннего мира.

Я верю в магию. В городе, кишашем иллюзионистами, невозможно сомневаться в ее существовании. Однако я не поверила этому старику. «Уверуй, – предупредил он. – Ибо неверующие одиноки при смерти, они слепы и напуганы».

Я сделала вид, будто его слова меня потрясли. На самом же деле он показался мне забавным. Он принадлежал к тому типу людей, которые запугивают заблудшие юные души историями о созданиях, снующих в тени темных аллей. Однако меня это еще и заинтриговало, так как моя юная душа тоже блуждает. С детства я скрывалась за отглаженными нарядами и отточенными фразами, но эта мысль всегда меня соблазняла. Она звала меня, как Сирена, вынуждая разбить все притворство о скалы и сдаться в объятия своей истинной натуры.

Она привела меня туда, где я сейчас. Однако я благодарна. Ибо она помогла мне осознать две истины: у меня всегда будет блуждающая юная душа, независимо от возраста.

И я всегда буду созданием, снующим в тени темных аллей, поджидающим...

Тебя, любовь моя. Тебя.

² Креолы – в штате Луизиана так называют лиц белой расы, родившихся в Новом Свете в одном из бывших владений Франции, Испании или Португалии, чьи предки являются выходцами из этих стран.

Не то, чем кажется

Январь, 1872

На борту трансатлантического парохода «АРАМИС»

«Арамис» должен был прибыть с рассветом, как это привиделось Селине во сне.

Она должна была проснуться под залитым солнечным светом небом, ветер принес бы запах океана, а город сверкал бы на горизонте.

Полный надежд. Свободный.

Вместо этого, однако, латунный колокол на носу «Арамиса» зазвонил в сумеречный час, в то самое время дня, которое ее подруга Пиппа называла *потемками*. По мнению Селины, это слово звучало очень по-британски.

Она начала собирать такие фразы вскоре после того, как познакомилась с Пиппой четыре недели назад, когда «Арамис» пришвартовался на пару дней в Ливерпуле. Пока что ее любимым оставалось выражение *ни черта подобного*. Тогда Селина не понимала, почему эта фраза показалась ей такой важной. Может, потому что она думала, что британские словечки пригодятся ей в Америке куда больше, чем французские, к которым она привыкла.

Как только Селина услышала звон, она отправилась к правому борту, и легкие шаги Пиппы тут же последовали за ней. Чернильные щупальца ночи тянулись по небу, и призрачный туман окутывал город-полумесяц³. Воздух будто становился гуще, пока корабль приближался, и две девушки слушали, как «Арамис» пришвартовывается в водах Миссисипи, подплывая к Новому Орлеану. Прочь от жизни, которую они оставили позади.

Пиппа шмыгнула и потеряла свой нос. В этот миг она выглядела моложе своих шестнадцати лет.

– После всех услышанных историй город не такой красивый, каким я его представляла.

– Он именно такой, каким его представляла я, – сказала Селина ободряющим тоном.

– Не ври. – Пиппа покосилась на нее. – От этого я не почувствую себя лучше.

Улыбка украсила лицо Селины.

– Может, я вру тебе не меньше, чем себе.

– В любом случае ложь – это грех.

– Как и несносное поведение.

– Такого в Библии нет.

– Но должно быть.

Пиппа кашлянула, пытаясь скрыть смех.

– Ты ужасная. Сестры урсулинского монастыря с тобой не совладают.

– Они сделают со мной то же самое, что и со всеми незамужними девушками, которые прибывают в Новый Орлеан со всем своим имуществом в охапке: найдут мне мужа. – Селина заставила себя не хмуриться. Это ведь был ее выбор. Лучший из худших.

– Если ты покажешься им безбожной, то они подберут тебе самого уродливого идиота из всех христиан. Кого-нибудь с носом картошкой и пучком.

³ Город-полумесяц (англ. Crescent City) – прозвище Нового Орлеана, возникшее из-за его положения в излучине реки Миссисипи.

– Лучше уж пусть мужчина будет уродливым, чем скучным. А пузо означает, что он хорошо ест, так что... – Селина многозначительно наклонила голову набок.

– Нет, ну правда, Селина, – засмеялась Пиппа, йоркширский акцент вился вокруг всех ее слов, как кружевная лента. – Ты самая неисправимая французенка, которую я встречала.

Селина улыбнулась подруге.

– Могу поспорить, ты не встречала много французенок.

– По крайней мере, не таких, которые разговаривают на английском так же хорошо, как ты. Ты будто рождена для этого.

– Мой отец считал, мне важно научиться. – Селина пожала одним плечом, словно это была вся история, а не лишь малая ее часть. При упоминании об отце (уважаемом французе, который изучал лингвистику в Оксфорде) ее грусть готова была вот-вот вырваться на свободу. Печаль, тяжести которой Селина пока не готова была вынести. Она выдавила из себя кривую улыбку.

Пиппа скрестила руки, точно обнимая себя. Беспокойство отразилось на лбу под ее белокурой челкой, когда подруги продолжили рассматривать город вдаль. До каждой юной девушки на борту доносились слухи о нем. В море эти мифы, которыми они делились друг с другом за чашечкой горького кофе, точно обретали свою собственную жизнь. Переплетались с историями Старого Света и становились еще богаче, еще мрачнее. В Новом Орлеане живут призраки. Город прокляли пираты. Его улицы кишат жуликами. Это последнее пристанище для тех, кто верит в магию и мистику. Более того, поговаривали, что там можно найти женщин, у которых не меньше власти и влияния, чем у любого мужчины.

Селина смеялась над всем этим. А еще осмеливалась надеяться. Может, Новый Орлеан не таков, каким кажется на первый взгляд. Какое совпадение, ведь она тоже.

Если что-то и можно сказать о юных путешественницах на борту «Арамиса», так это то, что возможность существования подобной магии – подобного мира – стала для них жизненно необходимой. Особенно для тех, кто мечтал отделаться от призраков своего прошлого. Стать чем-то лучше и ярче.

И особенно для тех, кто мечтал сбежать.

Пиппа и Селина наблюдали, как приближаются к неизвестности. К своему будущему.

– Мне страшно, – тихо сказала Пиппа.

Селина не ответила. Ночь растеклась по воде, как темные чернила по ткани. Неряшливый моряк балансировал на бимсе с грациозностью воздушного гимнаста, зажигая лампы на носу корабля. Точно в ответ на его призывы, языки пламени оживали в отражении воды, придавая городу еще более потусторонний зеленый оттенок.

Колокол «Арамиса» зазвонил вновь, сообщая тем, кто в порту, какое расстояние осталось преодолеть кораблю. Остальные пассажиры поднимались на палубу, останавливаясь рядом с Селиной и Пиппой, бормоча на португальском и испанском, английском и французском, немецком и голландском. Юные барышни, которые рискнули покинуть родные дома ради новых возможностей. Их слова превращались в мягкую какофонию звуков, которая – обычно – успокаивала Селину.

Но не сегодня.

С той самой судьбоносной ночи среди шелков в ателье Селина мечтала об уютной тишине. Несколько недель она не чувствовала себя в безопасности в окружении других людей. В безопасности от буйства своих собственных мыслей. В ее внутренних водах наступало затишье лишь рядом с Пиппой.

Когда корабль оказался достаточно близко к причалу, Пиппа внезапно схватила Селину за руку, точно боясь упасть. Селина ахнула. Вздрыгнула от неожиданного прикосновения. Точно брызги крови, попавшие на лицо, соленая вода коснулась ее губ.

– Селина? – позвала Пиппа, широко распахнув глаза. – Что не так?

Дыша через нос, чтобы утихомирить пульс, Селина сжала холодные пальцы Пиппы в своих руках.

– Мне тоже страшно.

Изучение противоположностей

Двадцать три пассажира сошли с борта «Арамиса», у каждого с собой простенький чемодан, в котором лежало все их имущество. После сверки документов, стоящий на таможне, пропустил их на американские земли. Час спустя семеро девушек сели в скромную повозку и отправились вдоль ночного города в урсулинский монастырь. Будущее остальных еще поджидало их на причале.

Открытая повозка подскакивала на булыжниках дороги. Вокруг колыхались ветки деревьев, усыпанные яркими бутонами. Цикады и пчелы жужжали во мраке и шептались о потусторонних историях. Тропический бриз веял сквозь ветки большого дуба, стоящего у края маленькой площади. Это тепло казалось Селине странным, особенно не сочетаясь с вечерней прохладой конца января.

Однако она знала, что лучше не жаловаться. У нее дома, в Париже, снег уже наверняка покрывал брусчатку, и там она бы не скоро смогла надеть свое удобное платье из муслиновой ткани, в котором ехала сейчас. Селина вспомнила, как мастерила его в июле из лоскутов, оставшихся от элегантного домашнего наряда, который она шила для одной зажиточной дамы, скандально известной своими зваными ужинами. Тогда Селина представляла, как сама однажды посетит подобное мероприятие, как будет чувствовать себя комфортно среди самых модных представителей парижского общества. Она поразит их своей любовью к Шекспиру и Вольтеру. Придет в этом самом платье насыщенного баклажанного цвета, с пышной юбкой в оборках и рюшах, которые контрастируют с ее бледной кожей. И как она небрежно соберет свои черные кудри на макушке, по последней моде, чтобы получить благосклонность городских особ.

Теперь Селина посмеялась над своими мыслями, забавляясь над воспоминаниями о семнадцатилетней девчонке, которой она была тогда. Над всем тем, что та девчонка хотела попробовать. Что хотела получить навсегда: попасть в общество элегантных юных особ, для кого шила наряды, о которых те забывали на следующий же день. Шанс влюбиться в симпатичного юношу, который украдет ее сердце стихами и обещаниями.

Сейчас она усмехнулась от одной лишь мысли об этом.

Проведя несколько недель в море в деревянном чемодане, это помятое платье, которое сегодня надела Селина, отражало резкие перемены, случившиеся в ее жизни. Оно не подходило для воскресной службы, а уж тем более не подходило для званого ужина. Думая над этим, Селина уселась поудобнее на своем деревянном сиденье, и корсет сильнее впился ей в ребра. Пластина из китового уса сдавливала грудь при каждом вдохе.

И вдруг учуяла такой сладкий аромат, что забыла обо всем.

Она оглядела площадь, ища его источник. В углу, противоположном от дуба, стояла открытая пекарня, напомнившая Селине о ее любимой булочной на бульваре Монпарнас. Запах жареных пончиков и медленно тающего сахара сочился сквозь воцеленные листья магнолии. Рядом на балконе захлопнулись ставни, и решетка с ярко-розовыми цветками бугенвиллей затряслась, а бутоны задрожали, точно от страха. Или, может, от предвкушения.

Смотреть на такую красоту должно быть приятно. Однако красивую решетку будто бы окружало что-то еще, что-то пугающее. Точно бледный палец, показавшийся из-за задернутых штор и заманивающий в темную бездну.

Мудрость подсказывала Селине принять во внимание это предупреждение. Тем не менее она поняла, что уже очарована. Когда же она покосилась на остальных девушек в их повозке (четыре сидели с одной стороны, три с другой), Селина увидела изумленные взгляды, с волнением изучающие округу. Или, может, с воодушевлением? Как и с цветками бугенвиллей, сложно было определить точно.

Повозка остановилась на углу шумной улицы, огромная ломовая лошадь впереди упряжки фыркнула, трясая гривой. Люди во всевозможных нарядах – от роскошных, с золотыми часами на цепочках, до простых из застиранной ткани – пересекали улицу Декатур, их шаги были спешные и напряженные, точно все торопились на какое-то важное дело. Это выглядело непривычно, учитывая, что день заканчивался, а не начинался.

Так как Пиппа сидела ближе всех к извозчику, она наклонилась вперед, обратившись к нему:

– Сегодня вечером какое-то особое мероприятие? Откуда столько народу?

– Парад, – хрипло отозвался мужчина, не обернувшись.

– Что, простите?

Он прочистил горло.

– На улице Канал вот-вот начнется парад. В честь открытия карнавального сезона.

– Карнавальный парад! – воскликнула Пиппа, повернувшись к Селине.

Антония, юная девушка, сидевшая слева от Селины, посмотрела на них взволнованно, у нее были круглые, блестящие глаза, точно у совы.

– Эм... карнавал? – переспросила она на португальском, указав в сторону звуков веселья.

Селина с улыбкой кивнула.

– Какая жалость, что мы все пропустим, – сказала Пиппа.

– Я бы не стал беспокоиться, барышня, – ответил извозчик с намеком на ирландский акцент. – Будет еще много парадов и празднеств в течение месяца во время карнавального сезона. Какой-нибудь вы точно увидите. И подождите еще бал-маскарад в Марди Гра⁴. Это будет лучший вечер из всех.

– Я слышала о карнавальном сезоне от подруги в Эдинбурге, – воскликнула Анабель, худенькая рыжеволосая девчонка с россыпью веснушек на носу. – Весь Новый Орлеан пирует перед Великим постом, *soirées*⁵, балы и костюмированные вечеринки продолжаются неделями.

– Вечеринки! – повторили близняшки из Германии, как только узнали слово, одна из них радостно захлопала в ладоши.

Их просиявшие лица поразили Селину. Затронули что-то в ее сердце. Чувство, которое она запретила себе испытывать с той самой жуткой ночи.

Надежду.

Она прибыла в город посреди празднества. Одна она, и несколько недель *fêtes*⁶ впереди. Толпу переполняло то же чувство предвкушения, которое она видела на лицах девушек, с кем теперь разделяла свою судьбу. Может, в их глазах не было тревоги. Может, цветы просто задрожали от пробуждения, а не от испуга.

Может, Селине необязательно жить в страхе от того, что может случиться завтра.

Пока они ждали, когда улица освободится от шествующих прохожих, Селина наклонилась вперед, все ее тело напряглось, готовое броситься бежать. Она попыталась ухватиться за лозу плюща, свисающую с замысловатого кованого ограждения. Топот шагов отвлек ее, когда толпа расступилась, позволив их повозке проехать.

Нет.

Не для того, чтобы пропустить их.

Для чего-то совсем иного.

Там, под мороком бледно-янтарного света газовых фонарей, стояла одинокая фигура, собирающаяся переходить улицу Декатур. Соломенная шляпа незнакомца была натянута до самых бровей, скрывая черты лица.

⁴ Марди Гра (*фр.*) – букв. «жирный вторник», последний день карнавала перед началом католического Великого поста.

⁵ Вечеринки (*фр.*).

⁶ Каникулы (*фр.*).

Без колебаний их извозчик тут же выказал мужчине почтение, опустив голову в его сторону, точно кланяясь... или, может, отводя взгляд?

Мужчина пересек улицу, плавно перемещаясь от света к тени и обратно, от одного уличного угла к другому... странно. Будто воздух вокруг него был вовсе не воздухом, а водой. Или дымом. Его отполированные туфли ритмично стучали по брусчатке. Высокий. Широкие плечи. Несмотря на вечерний сумрак, Селина могла разглядеть, что его костюм выполнен из хорошего материала, сшит опытными руками. Скорее всего, Сэвил-роу⁷. Ее обучение в ателье мадам Богарне – лучшей кутюрье Парижа – подарило ей навык замечать подобные детали.

Однако его одежда не удивила Селину настолько, насколько поразило его влияние. Он сумел расчистить улицу без единого слова. Женщины с зонтиками, дети с сахарными пончиками и мужчины в элегантных шляпах разбежались от одного его взгляда, брошенного в их сторону.

Вот такой магией она хотела бы владеть.

Селине жутко нравилась идея обладать такой силой, хотя бы во имя свободы, которую та ей даровала бы. Она наблюдала, как мужчина шагает на тротуар, и зависть затмевала ей взор, наполняя ее сердце, занимая место, которое принадлежало надежде еще минуту назад.

Затем он поднял глаза. Его взгляд встретил ее, точно она звала его без слов.

Селина моргнула.

Он оказался моложе, чем она ожидала. Не намного старше ее. Девятнадцать или двадцать, может, но не больше. Позже Селина попытается вспомнить детали. Но ее память словно заволокло туманом, словно масло разлили на поверхности зеркала. Единственное, что она запомнила четко, – его глаза. Они сияли в свете газовых фонарей, словно горели изнутри.

Темно-серые. Точно бочка с порохом.

Он прищурился. Коснулся своей соломенной шляпы в знак приветствия. И ушел.

– О, мои звезды, – вздохнула Пиппа.

Согласные перешептывания на разных языках слышались в рядах сидящих девушек. Они наклонились друг к другу, и их охватило общее воодушевление. Одна из близняшек из Дюссельдорфа сказала что-то на немецком, и ее сестра захихикала, прикрывая рот ладошкой.

Только Селина продолжала смотреть на стремительно удаляющуюся фигуру, прищурившись, прямо как он. Как будто не верила.

Во что не верила, она пока точно не знала.

Их повозка продолжила путь в монастырь. Селина наблюдала, как юноша исчезает во тьме, его длинные стройные ноги уносят его в ночь с завидной уверенностью.

Она думала – что же заставило людей на перекрестке сторониться его? Жаждала такой же власти. Может, если бы Селина вызывала подобное уважение, ей бы не пришлось покинуть Париж. Не пришлось бы солгать своему отцу.

Или убить человека.

⁷ Улица в Лондоне, где шьют на заказ мужские костюмы.

К звездам

«Я не должна здесь находиться».

Эта мысль звенела в голове Ноэми, как бесконечный припев.

Темно. Поздно. Вода шумела у причала на краю Французского квартала, убаюкивая. Гипнотизируя.

Не следовало ей соглашаться на встречу в этом месте, и неважно, каким заманчивым это казалось. Ноэми умнее. Родители научили ее быть осторожной. И церковь научила. Она натянула свою тонкую весеннюю шаль на плечи и поправила розовую шелковую ленту на шее. Когда она обернулась, гранатовые жемчужины на сережках ударили нежную кожу.

Серьги и шелковые ленты на причале посреди ночи?

О чем она думала?

«Я не должна здесь находиться». Кого она надеется впечатлить такой безвкусицей?

Не такого мужчину уж точно.

Любой мужчина, который предлагает ей встретиться во тьме ночи, уж точно не джентльмен. Но Ноэми и сама была не той девушкой, которых обычно называют леди. Она вздохнула. Мартин, ее прежний кавалер, никогда бы не пригласил ее на тайную встречу после заката.

Конечно, от прикосновений Мартина у нее никогда не бежали мурашки по коже и не замирало дыхание.

Не так, как от встреч с этим загадочным поклонником.

Однако если тот не покажется вскоре, Ноэми уйдет домой, проберется обратно через материнский цветник с глициниями и залезет в окно своей спальни, прежде чем кто-то догадается, что ее нет.

Она прохаживалась вдоль причала, клянясь звездам, что дает ему последний шанс. Каблуки под ее юбкой стучали по шероховатым деревянным доскам, турнюр⁸ под платьем топорщился в такт шагам. Ветер дул вдоль изгиба реки, принося с собой запах протухшей рыбы – отголоски ушедшего дня.

Пытаясь отделаться от вони, она прижала к носу палец.

«Я не должна здесь находиться». Причал располагался слишком близко к зданию Чертогов. Улицы и все кварталы вокруг кишели их подозрительными обитателями. И неважно, что эти люди на постоянной основе делают пожертвования церкви. Неважно, что граф Сен-Жермен бронирует лучшие места в опере и может похвастаться дружбой с лучшими представителями светского общества Нового Орлеана. В Чертоги всегда притягивались самые худшие из людей, те, кого не гложет совесть.

И вот она, Ноэми, ждет в темноте, в самом сердце их владений.

Она прикоснулась к своему горлу, проводя пальцами по гладкому шелку. Цвет ее ленты – бледно-розовый, как лепестки пионов, – сейчас на пике популярности. Императрица Евгения⁹ привнесла его в моду не так давно. И теперь бесчисленные юные дамы Нового Орлеана старались выставить на всеобщее обозрение свои длинные, как у лебедей, шеи. Предполагалось, что мужчинам это нравится.

С горькой улыбкой Ноэми повернулась к воде, собираясь в последний раз пройти вдоль причала.

К черту ее очаровательного поклонника и всю его ложь. Никакие сладостные слова и заманчивые обещания не должны были убедить ее выйти из дома.

⁸ Подушечка, которая подкладывается под платье сзади, ниже линии талии, для придания пышности фигуре.

⁹ Императрица Евгения (1826–1920) – последняя императрица Франции, супруга Наполеона III. Славилась красотой, была законодательницей мод.

Когда она подходила к краю причала, за ее спиной слышались чьи-то твердые шаги. Приближаясь, они замедлились, намекая на расслабленную походку.

Ноэми не сразу обернулась, давая понять, что злится.

– Ты заставил меня долго ждать, – сказала она сладким голосом.

– Прошу меня простить, *mon amour*¹⁰, – выдохнул он за спиной. – Меня задержал ужин... но я пропустил десерт.

Улыбка появилась на губах Ноэми, сердце забилося чаще. Она медленно обернулась.

Но там никого не оказалось. Причал выглядел пустым.

Она моргнула. Сердце запрыгало в груди. Неужели Ноэми все это почудилось? Ветер обманул ее?

– Куда ты...

– Я здесь, любовь моя, – сказал он прямо у ее уха, снова оказавшись позади. Она ахнула. Он взял ее за руку, прикосновение было холодное и уверенное. Успокаивающее. Мурашки пробежали по ее спине, когда он ущипнул ее за мочку уха. Неожиданно. Шутливо.

Мартин никогда бы так не сделал.

Она потянулась назад, чтобы погладить его по щеке, его скула коснулась ее кожи, и кровь запульсировала в ее венах. Он поцеловал кончики ее пальцев. Когда она отстранилась, ее рука была теплой. Липкой. Влажной.

Красной.

– *Je suis désolé*¹¹, – прошептал он, извиняясь.

Испуганный вопль готов был вырваться из груди Ноэми.

Но из ее лебединого горла брызнула кровь до того, как она успела выдать хоть звук.

Последнее, что Ноэми видела, были звезды, весело подмигивающие на небосводе.

¹⁰ Любовь моя (*фр.*).

¹¹ Я прошу прощения (*фр.*).

Тебя зовут Марселина Беатрис Руссо

Семь девушек поселились в общежитии урсулинского монастыря: Селина; Пиппа; близняшки из Дюссельдорфа, Марта и Мария; рыжеволосая Анабель из Эдинбурга; Антония из Лиссабона; Катерина из Ливерпуля.

Католическая церковь оплатила их дорогу до Нового Орлеана, а взамен эти семь девушек должны были работать в примыкающем к монастырю госпитале, обучать юных девочек, которые ходят здесь в школу, и помогать любыми способами собирать средства для епархии. И так до тех пор, пока сестры монастыря не подыщут подходящих мужей для них.

Для Селины следующий день после их прибытия был отмечен страхом.

Отмечен решениями, принятыми за нее другими.

Больше всего на свете она не хотела, чтобы ей дали работу учительницы. Такая расхваленная должность, так много обязанностей. Селина никогда не умела быть примером для подражания. Она слишком громко смеялась над непристойными шутками, любила есть на светских мероприятиях, куда девушки ходят, чтобы показать себя, а не набивать желудок. Она никогда этого не понимала. Отвернуться от плитки шоколада? *Sacrilège*¹².

Однако ожидаемо.

По этим причинам Селина выдохнула с облегчением, когда узнала, что Катерина была гувернанткой в семье из четырех человек в Ливерпуле. Молодая девушка в очках улыбнулась, сказав, что рада взяться за те же обязанности.

Селина была не против оказаться на работе в госпитале, однако Пиппа сообщила, что Марта и Мария помогали акушерке в Дюссельдорфе; так что их отправили туда вместе с Антонией, которая знала много о травах и других лекарствах.

Вскоре Пиппа, Анабель и Селина оказались в затруднительном положении. Всей троице оказалось сложно найти занятие, так как их интересы были далеки от жизни в монастыре. Анабель была хороша в математике и обладала талантом вести бизнес, а ничто из этого не считалось достоинством для юной дамы.

Пиппа изучала историю искусств почти всю свою жизнь, умела играть на виолончели и рисовать, однако в школе уже был учитель искусств.

И хотя все соглашались, что работа Селины с дорогими шелками и деликатными кружевами была выше всяких похвал, это ей здесь не помогало. Знание того, как создать наряд для парижской элиты, не входит в список необходимых навыков у монахинь.

Поэтому спустя неделю после прибытия Пиппа, Анабель и Селина сидели в тени собора Сен-Луис, торгуя продуктами под листьями дуба в парке Джексон-сквер. Несмотря на чудесную теплую погоду, Селина не могла не чувствовать себя одинокой. Куда бы она ни отправлялась, жизнь загоняла ее в рамки.

Может, она этого заслуживает. Грехов у нее было много, а искупила она лишь малую часть.

На дальнем от Селины конце площади продавали бенье¹³ и *café au lait*¹⁴, их аромат смешивался с запахом масла, сахара и цикория. Слева возвышались шпили собора, тянущиеся ввысь, в голубое небо, усеянное любимыми Селиной облаками – похожими на шифон. Справа сидели артисты, торговцы и поставщики различных необычных товаров, их продукты были разложены между зубцами черного железного забора, окружающего внутренний двор собора.

¹² Кошунство (*фр.*).

¹³ Французское печенье из жареного заварного теста.

¹⁴ Кофе с молоком (*фр.*).

Селине хотелось ходить по рядам и рассматривать все, что продается. Наслаждаться городом и радоваться шансу начать новую жизнь. Но (вывод, к которому она пришла на прошлой неделе) то, чего ждала она и чего ждали от нее, было таким же разным, как масло и вода в миске пекаря.

Когда остальным девушкам предоставили подходящую им работу, Пиппе, Селине и Анабель сказали заняться сбором средств на расходы церковного приюта. Всю неделю они готовились к этому делу.

Пиппа украшала чайные приборы религиозными узорами, сценами, как Иисус обращает воду в вино или утоляет голод многотысячной толпы всего лишь семью буханками хлеба и рыбой. Анабель придумала конструкцию для их киоска и работала над тем, чтобы привлечь как можно больше клиентов. А Селина украшала вышивкой маленькие хлопковые кусочки ткани с зазубренными краями, которые походили на дорогие кружевные платки.

Со времени их прибытия к причалу на прошлой неделе никому из них не разрешили посетить парад. Вместо этого каждую ночь, после того как закончат все дела, им наказали читать вслух друг другу вечерние молитвы, прежде чем отходить ко сну в свои кельи.

Да. Их комнаты назывались кельями. Именно по этой причине Селина вышивала остроконечные буквы с краю каждого платка, который создавала.

С В М

Дань ее любимой шекспировской трагедии, «Гамлету».

«Ступай в монастырь»¹⁵.

Селина посмотрела на буквы, скрытые в узор вышивки, греясь этой мыслью. Затем оглядела их кривенький деревянный столик, но на душе становилось тяжелее с каждой секундой.

Неужели ей не стоит ожидать от жизни ничего большего?

Селина напряглась. Выпрямила спину, и корсет сдавил грудь. Ей следует благодарить судьбу за возможность очутиться здесь. Благодарить за место среди достойных людей. Благодарить за новый шанс в жизни.

Уверенность наконец пустила корни в ее душе. Она широко улыбнулась потенциальному покупателю, который даже не обратил на нее внимания. Селина проглотила свое желание насупиться и перевела взгляд на двух юных особ, изучающих узоры на фарфоровых чашках, которые Пиппа наносила вчера.

– Мило, согласишься? – шепнула одна из двух девушек своей подруге.

Другая бросила на посуду равнодушный взгляд.

– Неплохо, если тебе нравятся подобные вещицы, – протянула она, поправляя выбившуюся из-под шляпки прядь темных волос. Ее голос понизился до шепота. – А ты слышала, что портовые рабочие обнаружили вчера утром на причале?

Первая девушка кивнула.

– Ричард мне рассказал. Ее звали Натали или Ноэми, или как-то так. – Беспокойство отразилось на ее лице. – Он думает, живущие в Чертогах могут быть виноваты в этом, так как все произошло очень близко к их резиденции.

«В Чертогах?» – заинтересовалась Селина. Как при дворе? Насколько она знала, Америка не была монархией.

– Ее будто разорвал зверь! – вздрогнула брюнетка. – Бедняжка, – цыкнула она, хотя в глазах отражались затаенные мысли, – брошенная гнить под дневным солнцем. Если Чертоги и правда имеют к этому отношение, то они стали еще более жестокими, чем прежде. Не то чтобы это что-то меняет... Они все равно выкрутятся из ситуации, как обычно.

¹⁵ Перевод А.И. Кронеберга. Сцена описывает разговор Гамлета и Офелии, когда он отвергает ее. Фраза стала нарицательной, подразумевая совет «уйти, скрыться от мира».

Несмотря на здравый смысл, Селина уже заинтересовалась и поэтому выгнула шею в сторону парочки.

Брюнетка продолжала шептать:

– Ричард сказал тебе, что случилось с ее головой?

– Н-нет.

– Я слышала, та лежала отдельно от туловища этой бедняжки.

Другая девушка ахнула, прикрыв рот рукой в кружевной перчатке.

– Боже мой.

Беззвучно кивнув, брюнетка взяла в руки один из вышитых Селиной платков.

– Ее лицо было не узнать. Отцу пришлось опознавать ее по сережкам.

Тут Пиппа кашлянула, определенно пытаясь намекнуть, что не стоит вести такие жуткие беседы у всех на виду. А Анабель нахмурилась с раздражением.

– Дамы, мы можем вам чем-нибудь помочь? – Селина одарила двух юных клиенток натянутой улыбкой.

Брюнетка прищурилась, беспечно бросив платок обратно.

– Нет, спасибо. – Она потянулась к локтю подружки, обхватила его рукой, и они направились прочь от киоска.

Как только они оказались достаточно далеко, Анабель фыркнула.

– Сплетничать об убийстве в тени церкви... – пробормотала она. – Неужто нечем больше заняться, как злить святых духов таким образом? – Ее шотландский акцент усилился от негодования, она отгоняла пальцами толстенную осу, летающую у ее лба.

Пиппа вздохнула, а затем поймала Анабель за руку, прежде чем той удалось прихлопнуть кружащее вокруг насекомое.

– Бедная девушка. – Она села ровнее, изящно расправив плечи. – Надеюсь, она недолго мучилась. Кто мог такое сделать? – Нахмурилась. – Что за монстр может так отобрать жизнь человека?

Анабель сердито кивнула.

– Надеюсь, виновные будут гореть вечность в аду. Только такой справедливости достойны убийцы.

Румянец вот-вот был готов проступить на щеи Селины. Она повела плечами, пытаясь успокоиться. Капелька пота скопилась во впадинке между ее ключицами, прежде чем скатиться на грудь, стиснутую в корсете.

– Полностью согласна, – промычала она. Однако слова звучали неестественно. Селина переплела пальцы, молясь, чтобы эта беседа закончилась.

К счастью, оказалось, что Пиппа и Анабель тоже были согласны. Все трое продолжили свои попытки собрать деньги для церкви с новой волной усердия, вместе приветствуя подошедших потенциальных покупателей.

Большинство прохожих лишь останавливались, чтобы рассмотреть джем из боярышника и лимонно-грушевый мармелад, которые девушки готовили весь вчерашний день. Никому не были интересны раскрашенные чашки и элегантно сложенные платки.

Уныние опустилось на плечи Селины, как зверь, таящийся в тени. Она огляделась, ища причину своего дискомфорта. По крайней мере, собирающиеся вокруг них теперь люди не упоминали ужасное убийство, произошедшее неподалеку от Джексон-сквер.

Селина решила, что перерыв в сплетнях – хотя бы на время – это еще одна вещь, за которую она будет благодарна.

* * *

Спустя три часа неудач уныние Селины обзавелось клыками. Солнечные лучи продолжали опускаться на землю все ниже, и жара приобретала враждебный характер, вынуждая мечтать о ночном комфорте. Даже ветки над головой будто бы ощущали тяжесть зноя, и бутоны на них, точно веки, становились тяжелее и сонливее с каждой минутой. Светлые кудри Пиппы обрамляли ее лицо, как расплывчатый ореол. Анабель затянула потуже желтую ленту на лбу и громко вздохнула. Кажется, ее терпение тоже иссякало.

Стройная шотландка накрутила на палец выющийся локон своих золотисто-каштановых волос и дернула его, расправляя, морща свой веснушчатый нос.

– Ох, жара как в котле у ведьмы. И как мы должны знакомиться с перспективными мужчинами, если проводим дни напролет, собирая деньги, а ночи – распевая молитвы?

Селина хотела сказать много чего в ответ. Однако выбрала наименее обидный комментарий.

– Может, было бы лучше, если бы мы собирали деньги по ночам. – Ее веселый сарказм не подействовал на Анабель. Рыжеволосая девушка растерянно уставилась на Селину.

Однако Пиппа всегда понимала черный юмор своей подруги. Она покосилась на Селину, изогнув губы. Затем грациозно повернулась к Анабель.

– Может, поиски женихов не должны быть нашей единственной заботой?

– Ага, не должны, но знаете что? Крепкий молодой человек неплохо бы разнообразил эту скуотищу.

– Или сделал бы только хуже. – Пиппа поправила тонкую золотую цепочку с крестиком на шее. – По своему опыту скажу, крепкие молодые люди не всегда становятся хорошим дополнением компании.

Селина заставила себя подавить улыбку. Именно по этой причине они с Пиппой сдружились незадолго до того, как отправиться в плаванье. Ни у одной из них не было иллюзорных представлений насчет противоположного пола. Конечно, Селина хотела бы узнать, почему Пиппа не мечтала найти суженого, но понимала, что о таком не спрашивают.

Миниатюрная блондинка с личиком в форме сердца и сапфирово-голубыми глазами, Пиппа притягивала чужие взгляды, куда бы ни пришла. Мужчины часто кивали ей с восхищением. Более того, она обладала острым умом. Ей достаточно было бы секунды, чтобы влюбить в себя кого-то. Но вместо того чтобы спокойно жить в родных землях, Пиппа бесстрашно пустилась в неизвестную новую страну по ту сторону Атлантического океана.

Когда они только встретились, все это показалось Селине крайне любопытным. Однако она держала свои мысли при себе. Не хотела ввязываться в беседу, которая, скорее всего, последует после. Если она спросит, ее спросят в ответ, а на подобные вопросы Селина не хотела отвечать. Любого интереса к ее прошлому, помимо простейшего, нужно было избегать всеми возможными способами.

По многим причинам.

В день, когда Селина ступила на борт «Арамиса», она отметила про себя, что все девушки здесь обладали светлой кожей, почти ни в ком, судя по внешности, не было ни капли иностранной крови. У Антонии, девушки из Португалии, кожа была того типа, что легко загорает на солнце, но даже она провела большую часть времени в трюме, чтобы не было ни намека на цвет.

Если они узнают, откуда родом мать Селины... Если узнают, что среди ее предков не чистокровные англосаксы...

Этот секрет она и ее отец хранили с тех самых пор, как прибыли в Париж тринадцать лет назад, когда Селине едва исполнилось четыре. Хотя Франция и не была так плачевно известна своими расовыми предрассудками, как Америка в последние годы, в воздухе там все

равно витала бурлящая напряженность по этому поводу. Подразумевалось, что кровосмешение неприемлемо. И эта идея распространялась по всему миру. За пределами Нового Орлеана даже принимали законы, запрещающие людям с разным цветом кожи находиться в одной комнате.

А мать Селины была родом с Востока. Завершив свою работу в Оксфорде, отец как любитель иностранных языков решил отправиться в восточные земли. Он встретил мать Селины в маленькой деревушке на южном берегу каменистого полуострова. Селина не знала, где именно, и каждый раз, когда спрашивала, не получала ответа.

– Не имеет значения, кем ты была, – заявлял отец. – Имеет значение, кто ты сейчас.

Тогда это казалось правильным, как и теперь.

В результате Селина мало что знала о своей матери. Воспоминания о первых годах жизни на побережье Дальнего Востока быстро стирались из памяти. Мелькали в ее голове время от времени, но не приобретали четких форм. Мать Селины стала в ее мыслях женщиной, от которой пахло сафлоровым маслом, которая кормила ее фруктами каждый вечер перед сном и пела ей когда-то очень давно. Ничего больше.

Однако если кто-то станет присматриваться, разглядывать черты лица Селины натренированным взглядом, смогут заметить угловатость в ее скошенных вверх глазах. Ее высокие скулы и густые темные волосы. Кожу, которая остается светлой зимой, но приобретает бронзовый оттенок под летним солнцем.

– Тебя зовут Марселина Беатрис Руссо, – говорил отец каждый раз, когда она спрашивала о матери, и хмурился. – Это все, что остальным нужно о тебе знать.

Селина превратила эти слова в свой девиз, которым жила. Неважно, что половина страниц в ее книге пусты. Совсем неважно.

– Это продается, мадемуазель? – громко поинтересовалась молодая дама таким тоном, словно спрашивала у слабоумной. Ее светло-карие глаза метнулись к платку, вышитому Селиной.

Вздрогнув, Селина ответила резко, слова слетели с ее губ, прежде чем она успела поймать их:

– Надеюсь, что да, в противном случае я черт знает что делаю здесь последние три часа.

Она услышала, как Анабель слева ахнула, а Пиппа подавила смешок. Селина сморщила нос, а затем попыталась улыбнуться, поднимая глаза, но встретила лишь лучи ослепляющего солнца.

Не смутившись от грубого замечания Селины, девушка с противоположной стороны прилавка усмехнулась. Селине стало неуютно, когда она наконец рассмотрела стоящую перед ней.

Одним словом, девушка была утонченной. Шатенка с чертами лица как у куклы, она стояла с гордо поднятой головой. Ее глаза темного медового цвета оценивающе устремились на Селину. На шее у нее красовалась косынка из валансьенского кружева с припиленной к ней камеей из слоновой кости с рубинами. На плече покоился зонтик от солнца с вышитой жемчугом каемкой, а на его ручке из розового дерева была выгравирована fleur-de-lis¹⁶, которую держал в пасти рычащий лев. Он отлично сочетался с платьем с баской, хотя в целом все выглядело немного старомодно.

Девушка провела пальцами в кружевной перчатке по обшитому краю платка.

– Это чудесная работа.

– Спасибо, – кивнула Селина.

– Напоминает мне кое-что, что я видела, когда последний раз была в Париже.

Невозможно было не заметить воодушевления на лице Пиппы.

– Селина училась там у одной из лучших couturières¹⁷.

¹⁶ Геральдическая лилия (фр.).

¹⁷ Швея (фр.).

Селина поджала губы, проклиная свою хвастливость. Не следовало рассказывать такие подробности Пиппе.

– У кого же? – Девушка приподняла одну бровь, взглянув на Селину.

– В Уорт, – соврала Селина.

– На *rue de la Paix*?¹⁸

Селина сглотнула. Затем кивнула. Уже чувствовала, как хочется сбежать из собственной кожи, а она ведь еще даже не рассказала о себе ничего важного. Ничего, что связывает ее с событиями той судьбоносной ночи в ателье.

– Неужели? – спросила девушка. Судя выражению ее утонченного лица, поверила. – Я возьму их все. – Она махнула рукой на платки, точно накладывая на них заклинание.

– Все? – вырвалось у Анабель, края ее желтой ленты развевались на ветру. – Что ж, не мне вас отговаривать... В конце концов, время не резиновое и так далее.

Пока Анабель собирала платки, чтобы их посчитать, Селина таращилась на девушку перед ними, озадаченная внезапным поворотом событий. Что-то в чертах этой барышни не давало Селине покоя. Точно она не могла что-то вспомнить. Точно упустила слово в какой-то фразе. Пропустила какую-то мысль. Девушка позволяла Селине таращиться, и ее улыбка становилась только шире.

– Если вы учились у *couturière*, то умеете шить и наряды? – спросила девушка.

Селина снова кивнула.

– *Mais oui, bien sur*¹⁹.

– *Marveilleux*!²⁰ – Она наклонилась ближе, ее глаза блестели, как теплый халцедон. – Я мучаюсь со своей нынешней *modiste*²¹, и мне жутко необходим костюм для бала-маскарада на Марди Гра в следующем месяце. В этом году в качестве особого гостя приглашен русский герцог, и мне необходимо нечто заметное. Нечто ярко-белое и напоминающее о королевском дворе дореволюционной Франции, полагаю. – Она сморщила нос, точно собиралась раскрыть секрет. – По правде сказать, несмотря на все глупости и ужасный запах, я считаю, это было лучшее время в женской моде за последнее время. – Девушка постучала кончиками пальцев по столешнице и склонила голову, обдумывая что-то. – Полагаю, вам нужно снять с меня мерки, чтобы начать работу?

Еще одно дерзкое замечание сорвалось с губ Селины:

– Да, мадемуазель. Здравая мысль.

Зрачки девушки блеснули, точно та слышала мысли Селины.

– Вы просто прелесть. Точно Бастьян в платье. – Она посмеялась над своими же словами. – Ох, этот подлый злодей.

Растерянные морщинки собрались на лбу у Селины. Это было оскорбление или комплимент?

– *En tout cas*...²² – продолжала девушка, вертя рукой в воздухе, точно разгоняя дым. – Вы сможете встретиться со мной сегодня вечером?

Селина попыталась быстро сообразить. На следующий день после их прибытия мать-настоятельница предупредила, что не стоит разгуливать по городу в темное время суток, особенно во время карнавального сезона. Она говорила, будто все они были глупыми оленями, а Французский квартал – не что иное, как земли для волчьей охоты. Не говоря уже о том, что жуткое убийство произошло вчера на причале.

¹⁸ Улица Мира (*фр.*).

¹⁹ Разумеется, без сомнений (*фр.*).

²⁰ Чудесно (*фр.*).

²¹ Модистка (*фр.*).

²² В любом случае... (*фр.*).

Учитывая все это, мать-настоятельница вряд ли разрешит Селине выйти в город. С осознанием этого пришло и огромное разочарование. Хотя Селина и чувствовала себя некомфортно в компании этой болтающей, странно одетой леди, она тем не менее была... заинтригована. И даже готова на маленькое безрассудство.

Когда девушка заметила, что Селина сомневается, ее губы изогнулись с недовольством.
– Конечно, я хорошо вам заплачу.

Селина в этом не сомневалась. Одна лишь камешек из слоновой кости стоила целое состояние. Но дело не в деньгах. Дело в правильном поступке. Селина должна была дать себе второй шанс. А послушание матери-настоятельница казалось неразумной идеей.

– Мне жаль, мадемуазель, – Селина покачала головой. – Просто думаю, это невозможно. Мать-настоятельница не позволит.

– Понимаю. – Девушка тяжело вздохнула. – Так всех нас совесть обращает в трусов.

– Что, простите? – глаза Селины стали шире. – Вы цитируете... Шекспира?

Да к тому же и «Гамлета».

– Его самого, – ухмыльнулась девушка. – Но, увы, мне пора. Есть ли шанс, что вы поменяете свое решение? Лишь назовите свою цену.

Селине вдруг стало смешно. Еще час назад она нагло намекала, что, возможно, им стоит идти зарабатывать деньги при свете луны. И вот предложение. Да еще и нет ограничений в сумме.

В этот самый момент, слушая, как эта странная девушка цитирует Шекспира и соблазняет такой возможностью, Селина поняла, что хочет согласиться. Очень. Впервые за последнее время она ощущала искру воодушевления, разгорающуюся внутри нее. Она хотела создавать что-нибудь и быть частью мира вместо того, чтобы наблюдать за ним. Уже начала представлять, как сошьет широкую юбку, складки... Придумала накидку с летящими рукавами. Ее сомнения теперь держались лишь на чувстве вины.

Нужно следовать правилам. Следить за своим поведением. Заслужить прощение Бога.

– Если деньги вас не интересуют, – продолжала девушка, наклоняясь ближе, и Селина учуяла неролиевое масло и розовую воду, – могу пообещать приключение... Путешествие в логово львов.

Вот. Вот и все.

Казалось, будто девушка нашла окошко в самый темный уголок души Селины.

– Мне будет в радость создать для вас платье, мадемуазель, – сказала Селина. Как только она вымолвила эти слова, то почувствовала, как участился пульс.

– Я рада. – Улыбаясь, девушка вытащила сероватую карточку с золотыми буквами в центре. Там было написано:

Жак

Ниже адрес в самом сердце Французского квартала, не очень далеко от монастыря.

– Приходите сюда вечером, часов в восемь, – продолжала она. – Не смотрите на очередь снаружи. Когда прекрасный мужчина с греховным голосом и кольцом в правом ухе потребует от вас причину визита, скажите провести вас к Одетте, tout de suite²³. – Она потянулась к руке Селины. Несмотря на кружевную перчатку, ее прикосновение оказалось холодным. Успокаивающим. Девушка на миг распахнула глаза, неуверенно коснувшись руки Селины. А затем наклонила голову, изобразив полуулыбку на кукольном лице. – Была рада с вами познакомиться, Селина, – сказала она тепло.

– И я рада была познакомиться... Одетта.

²³ Немедленно (фр.).

С очередной хитрой улыбкой Одетта отправилась прочь, а подол ее платья потянулся позади. В следующую секунду Анабель повернулась к Селине:

– Осознаю, что я последняя, кто должен рассуждать об ошибках, Селина, но не понимаю, что нашло на тебя, что ты согласилась встретиться вечером с этой Одеттой. Ты головой удари-лась? Нельзя покидать монастырь после ужина. Мать-настоятельница строго-настрого запре-тила. Сказала, происходящее в городе после заката...

– ...поощряет безнравственное поведение, которое не потерпят под ее крышей, – закон-чила за нее Селина раздраженно. – Знаю. Я слышала.

– Тогда зачем рисковать? – Анабель откинула локон кудрявых рыжих волос с лица. – Я лишь беспокоюсь, что может с тобой случиться, если тебя поймают.

– Я думала, ты устала от скукоты, – заметила Пиппа.

Селина улыбнулась, мысленно благодаря подругу, сгладившую напряженный момент.

– И хочешь встретить крепкого юного джентльмена, – добавила она.

– И, по моим представлениям, ему даже необязательно быть юным, – подвела итог Пиппа.

– Или джентльменом, – закончила Селина.

– О, вы отвратительные! – Анабель покраснела, крестясь. – Этого уже достаточно, чтобы я все рассказала в церкви.

Селина притворилась растерянной, вскинув свои черные брови.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Не веди себя как маленькая курочка, которая никогда не сбегала. Не рядом со мной, мадемуазель Руссо. – Ее взгляд переместился на грудь Селины. – И уж точно не с этим богат-ством.

– Чего? – Селина моргнула.

– Не притворяйся невинной, – перевела Пиппа, смеясь.

– А при чем тут мое... богатство?

Пиппа прикусила губу.

– Это была шутка, дорогая. Ты ведь знаешь, что у тебя прекрасная фигура. – Она похло-пала Селину по руке, точно ребенка. Это раздражало Селину. – Не обижайся. Тебя наградили этим.

Наградили?

Они думают, ее фигура – это награда? Нелепость этой идеи чуть не заставила Селину залиться смехом. Когда-то она любила свое тело за красоту и упругость. Но те времена прошли. Она бы многое отдала, чтобы быть тонкой и гибкой, как Анабель. *Награда*, о которой судачили теперь девушки, не принесла Селине ничего, кроме проблем.

И из-за этих проблем она теперь уж точно не невинная.

Щеки Селины налились румянцем. Внутри у нее все разгоралось, стремительно, горячо, будто – даже в шутку – эти две девушки могли увидеть правду, которую она старательно скры-вала каждый день. Худшая часть ее прошлого всплыла на поверхность сознания. Кровь затмила глаза, запах теплой меди ударил в нос, пожирая свет.

Но это абсурдно. Как Пиппа и Анабель могли узнать, что она натворила? Из-за чего сбе-жала из дома пять недель назад? Селина усилием воли заставила себя успокоиться.

Они не могли. Никто не знает. И не узнает, если она не расскажет.

«Тебя зовут Марселина Беатрис Руссо. Это все, что остальным нужно о тебе знать».

– Я ни за что не стану притворяться невинной, – подмигнула Селина и очаровательно улыбнулась. – Мне не идет.

Мальволио

Анабель предала Селину во время ужина, спустя едва ли час после того, как они вернулись в монастырь. Матери-настоятельнице потребовалась всего секунда, чтобы вывести правду у говорливой девчонки. Как только Анабель сообщила собравшимся юным девушкам, что вышитые Селиной платки выкупили все разом, монахиня с пронзительными, как у сокола, глазами потребовала объяснений.

Увы, Анабель оказалась ужасной лгуньей. После всех тех историй о шотландцах, которые слышала Селина, она была очень разочарована, что единственный представитель этого народа, которого она повстречала, оказался таким ужасным сказителем.

Теперь Селина любовалась стенами кабинета матери-настоятельницы, пока ее порция ужина, состоящая из пресного рагу, остывала на кухонном столе. Она огляделась по сторонам, ища, чем отвлечься. Все это время пыталась придумать правдоподобную ложь, из-за которой ей бы разрешили бродить по улицам города ночью.

Сколько же никому не нужного драматизма.

Почему все, с кем сталкивалась Селина, пытались научить ее жизни?

Пиппа виновато сидела рядом, заламывая руки, как героиня поучительной сказки. Селина сделала глубокий вдох, понимая, что на Филиппу Монтроуз не стоит рассчитывать, если дело касается обмана. Пиппа просто-напросто была слишком добродетельной. Эту истину признавали все, кто жил в монастыре, даже сами монахини: Пиппа Монтроуз надежная и послушная. Ничего общего с импульсивной Селиной Руссо.

Зачем вообще Пиппу вызвали сюда? Она не была ни в чем виновата. Ее присутствие должно было подчеркнуть неприемлемость поведения Селины? Или они хотят убедить и Пиппу тоже предать ее?

Помрачнев, Селина опять оглядела комнату. На одной стене висел огромный деревянный крест, дарованный одной из старейших испанских семей Нового Орлеана, живущих здесь с тех времен, когда французы еще не захватили портовый город в свою власть. За приоткрытыми ставнями бледный свет вечернего солнца озарял окрестности монастыря.

Если бы только можно было распахнуть окно настежь и позволить свету озарять кривой пол. Может, это оживило бы угрюмую атмосферу. На второй день своего пребывания здесь Селина пыталась открыть окно, однако через десять минут ее отругали; монастырские окна всегда оставались закрытыми, это помогало поддерживать чувство уединенности.

Как будто здесь может быть иначе.

Дверь со скрипом отворилась. Пиппа выпрямила спину в ту же секунду, как Селина опустила плечи. Еще до того, как мать-настоятельница перешагнула через порог, ее шерстяное черное одеяние сообщило о ее присутствии, запах ланолина и лекарственных масел, которыми она смазывала обветренные руки перед сном, разнесся по комнате.

Смесь двух запахов напоминала мокрого пса в стоге сена.

Как только дверь закрылась, морщинки вокруг рта матери-настоятельницы стали еще заметнее. Она замерла, чтобы набрать побольше воздуха в легкие, а затем сердито уставилась сверху вниз на девушек. Очевидно, пытаясь напугать одним лишь своим видом, как делали тираны в древности.

Хотя это и было совершенно неприемлемо, Селина едва сдержала улыбку. Ситуация казалась ей до крайности абсурдной. Меньше пяти недель назад она была подмастерьем у одной из лучших *couturières* в Париже. У женщины, чьи частые крики заставляли хрусталь на люстрах дребезжать. Настоящая угнетательница, которая постоянно рвала работы Селины на мелкие лоскуточки – прямо у той на глазах, если хотя бы один стежок был не на месте.

А эта тираничная монашка, всплеснув руками, полагает, что может внушить страх?

Как сказала бы Пиппа, *ни черта подобного*.

Тихий смешок сорвался с губ Селины. Пиппа стукнула носком по ножке ее стула в ответ.

И почему у матери-настоятельницы такие натруженные руки? Может, она делала какую-то тайную работу во тьме своей кельи. Может, рисовала. Или создавала скульптуры. А что, если она тайком писала стихи по ночам? Еще лучше, если она писала что-то непристойное или произведения с провокационным смыслом, как Мальволио в «Двенадцатой ночи».

«Клянусь жизнью, это рука госпожи: это ее эры, ее эли; а так она пишет большое П. Тут не может быть и вопроса, это ее рука»²⁴.

Селина кашлянула.

Недовольная линия пролегла посреди лба матери-настоятельницы.

Фантазия о том, как эта монахиня в накрахмаленном одеянии говорит что-нибудь неприличное, заставила Селину устремить взгляд на отполированный пол, чтобы только удержаться от смеха. Пиппа снова ее толкнула, на этот раз сильнее. Однако Селина ничего не сказала, она понимала, что Пиппе вовсе не до веселья в сложившихся обстоятельствах.

И правильно. Ничего в том, чтобы разозлить настоятельницу монастыря, не должно вызывать смех. Эта женщина предоставила им жилье и работу. Возможность найти свое место в Новом Свете.

Лишь неблагодарная, ввязывающаяся в неприятности девчонка может думать иначе. Именно такая девчонка, как Селина.

Отрезвленная этими мыслями, Селина прикусила изнутри щеку, в комнате стало жарче, а корсет показался еще теснее.

– Я надеюсь, вы объясните свое поведение, мадемуазель Руссо, – начала мать-настоятельница голосом одновременно и приветливым, и гробовым.

Селина не проронила ни слова, по-прежнему глядя в пол. Лучше не начинать оправдываться. Мать-настоятельница явно пригласила их сюда не для того, чтобы выслушивать оправдания; она пригласила их, чтобы поучать. Этот урок Селина усвоила на отлично. Ее так воспитывали.

– Эта юная дама, которую вы встретили на площади, почему бы ей не прийти в монастырь днем или не проконсультироваться с местными портными? – спросила мать-настоятельница. – Если она желает нанять вас для создания ее нарядов, вполне разумно прийти сюда, *n'est-ce pas?*²⁵

Когда Селина не ответила, мать-настоятельница заворчала. Наклонилась ближе.

– *Répondex-moi, mademoiselle Rousseau. Immédiatement*²⁶, – прошептала она угрожающе. – Иначе вы и мадемуазель Монтроуз об этом пожалеете.

Услышав угрозу, Селина подняла голову и встретила взгляд матери-настоятельницы. Медленно облизала губы, растягивая время, чтобы подобрать нужные слова.

– *Je suis désolée, Mère Supérieure*²⁷, – извинилась Селина, – *mais...*²⁸ – Она скосила глаза направо, пытаясь решить, впутывать Пиппу в свои проблемы или нет. – Но, увы, ее модистка незнакома со стилем барокко в одежде. Дама высказала необходимость в срочном приобретении наряда, а ее расписание, похоже, загружено на следующий день. Видите ли... она помогает благотворительной организации и каждый полдень с другими дамами вяжет носки для детей.

Даже боком Селина видела, как глаза Пиппы округлились от ужаса.

²⁴ Пер. М.Л. Лозинского. В английском оригинале, буквы, которые перечисляет Мальволио, складываются в слово *cit*, которое во времена королевы Елизаветы Первой на сленге означало «вагина».

²⁵ Не так ли? (*фр.*).

²⁶ Отвечайте мне, мадемуазель Руссо. Немедленно (*фр.*).

²⁷ Простите, мать-настоятельница (*фр.*).

²⁸ Но... (*фр.*).

Конечно, это была наглая ложь. Представлять Одетту как невинного ангелочка, обеспокоенного босоногими детишками, было одной из самых... красочных сказок, какие Селина сочинила за свою жизнь. Но ведь вся эта ситуация просто нелепа. А Селина наслаждалась тем, что обыгрывала тиранов, пусть и таким способом. Особенно тех, которые угрожали ее друзьям.

Выражение лица матери-настоятельницы смягчилось, хотя и не стало доброжелательным. Она сложила руки за спиной и начала расхаживать по комнате.

– Пусть и так, я не считаю, что отправляться в одиночку в город после заката для вас разумно. Юная дама не сильно старше вас... покинула этот мир около причала только вчера.

По мнению Селины, выражение «покинуть мир» не очень подходит к ситуации, когда кого-то рвут на куски под звездным небом.

Мать-настоятельница замерла в безмолвной молитве, прежде чем продолжить свою поучительную речь:

– Во время карнавального сезона на улицах много пьянчуг. Грех свирепствует, и я не хочу, чтобы слабая и восприимчивая душа, как вы, оказалась заманенной в ловушку.

Хотя Селине и хотелось возмутиться, она согласно кивнула.

– Я также не хочу поддаться искушению чего-либо неподобающего. – Она положила руку на сердце. – Однако верю, что у этой леди благие намерения и богоугодная душа, *Mère Supérieure*. И несомненно, деньги, которые она заплатит монастырю за мою работу, будут весьма полезны. Она дала ясно понять – несколько раз, – что оплата для нее не проблема.

– Понимаю. – Мать-настоятельница повернулась к Пиппе без предупреждения. – Мадемуазель Монтроуз, – сказала она, – похоже, вам нечего добавить по этому поводу. Что вы можете сказать о сложившейся ситуации?

Селина закрыла глаза, готовясь к худшему. Она не станет осуждать Пиппу за правду. Пиппа по природе своей честна. И разве можно ее винить за послушание?

Пиппа прочистила горло, сжимая руки в кулаки.

– Я... также сочла юную особу внушающей доверие, мать-настоятельница, – медленно сказала она. – Конечно, ваше беспокойство нельзя не понять, особенно учитывая то, что случилось на причале. Будет ли лучше, если я предложу сопровождать Селину? Мы можем снять мерки для наряда вместе и тут же вернуться. Думаю, это не займет много времени. На самом деле, полагаю, мы даже не пропустим вечернюю молитву.

Время будто остановилось. Настала очередь Селины таращиться на Пиппу круглыми глазами.

Пиппа Монтроуз предложила помочь. Соврала ради Селины. Соврала монахине.

– У меня немало опасений, мадемуазель Монтроуз, – сказала мать-настоятельница после паузы. – Но если вы предлагаете сопровождение...

– Я готова взять на себя всю ответственность. – Пиппа схватила свой крошечный золотой крестик, висевший на шее. Понижила голос, давая понять, что согласится с любым ответом. – И доверюсь Господу, который будет сопровождать нас вечером на нашем пути.

Мать-настоятельница снова нахмурилась, медленно шевеля губами. Она опять посмотрела на Селину, а затем на Пиппу. Приняла решение.

– Хорошо, – сказала она.

Селину распирало от удивления. Мать-настоятельница так быстро поменяла решение. Так легко. Подозрения закрались в мысли Селины. Она покосилась на Пиппу, но та не удостоила подругу взглядом.

– Спасибо, мать-настоятельница, – проворковала Пиппа. – Обещаю, все пройдет по плану.

– Конечно. Надеюсь, вы понимаете, я возлагаю на вас свою надежду, мадемуазель Монтроуз. Не разочаруйте меня. – Улыбка монахини выглядела неестественно блаженной. – Да озарит Его свет вам обоим путь, дети мои.

Зима, 1872

Авеню Урсулин

Новый Орлеан, Луизиана

Впервые я вижу свою жертву, когда та проходит мимо, под светом газовых фонарей.

Ее глаза интересно блестят. Будто бы она взволнована или растеряна. Может, замышляет что-то противозаконное.

Она привлекает мое внимание, несмотря на орду спящих вокруг людей, от нескольких из которых веет потусторонней энергией. Ее беспокойство выглядит заманчиво, так как оно вовсе не напускное. Она не замечает никого вокруг, все внимание приковано к выполняемому делу. Конечно, несчастным смертным сложно пробираться сквозь толпу, ведь они совершенно не осознают опасности. Завидую их слепоте.

Толпа меня очаровывает. Люди предоставляют демонам вроде меня такой богатый выбор. Столько возможностей увидеть их на одном дыхании. Ибо разве мы не всегда – как люди, так и создания ночи – притворяемся?

Я отступаю.

Больше всего я наслаждаюсь тем мигом, когда бросаю первый взгляд на людей. Когда впервые примечаю свою жертву, а она даже не догадывается, что за ней наблюдают. Действует необдуманно. Улыбается без причины. Смеется, думая, что никто не слышит.

Я знаю, как это все звучит. Звучит... обескураживающе. Я в курсе. Но по природе своей я обескураживаю. Бывают моменты, когда я могу вести себя очаровательно. Я знаю много языков, мне дважды довелось объехать весь мир. Я могу спеть оперу Верди «Аида», не подглядывая в ноты.

Разве я не заслуживаю хотя бы малейшего восхищения за все это?

Мне хочется думать, заслуживаю, хотя знаю, что это невозможно.

Демоны недостойны людского снисхождения. Так говорят люди, по крайней мере.

Однако я открою секрет. В свое время мне удалось понять, что можно вести себя одновременно обескураживающе и очаровательно. Вино может быть сладким, хотя оно и затмевает рассудок. Мать может любить и ненавидеть своих детей в один и тот же день.

И хищник может презирать себя, когда наслаждается своей трапезой.

Понимаю, мое поведение может показаться странным. Неподобающим. Но я создание странное. Создание, рожденное отдельно от этого мира.

Не беспокойтесь за меня. Мне никогда не приходилось быть в числе тех бессмертных, которые наслаждаются игрой со своим ужином, не очень-то я люблю и преследовать своих жертв. Я не выискиваю их слабости; скорее понимаю их человеческую натуру. Есть что-то... неправильное в том, чтобы относиться к живому существу так, словно оно создано лишь для моего развлечения. Каждый мой поступок имеет причину. Именно это отличает меня от многих обитателей Другого мира.

Мое чувство вины.

Я переживаю за каждую жизнь, которую отнимаю. Убийство прошлой недели на причале ни капли меня не воодушевило. Оно было жутким не без причины, обычно я избегаю бессмысленных смертей. Мне пришлось убить девушку лишь для того, чтобы узнать, как далеко я смогу зайти. Узнать, сколько смогу привлечь внимания. Увы, предполагаемого эффекта после

убийства не последовало, мои враги не привлекли властей к этому делу. Похоже, для моей следующей жертвы придется придумать что-то более жуткое. Более прямолинейную угрозу для моих неприятелей.

Каждая следующая смерть будет все более будоражащей. Это самое важное.

Хотя я и не получаю наслаждения от беспорядочных кровопролитий, меня воодушевляет охота. Мой друг детства говорил, что может понять, если животное погибает в муках. Он ощущал вкус страха, говорил, это портит блюдо.

Мне хочется с этим согласиться. Также есть некая притягательность в том, чтобы знать, что случится дальше, до того, как узнают другие. Может, виной тому мое нетрадиционное воспитание. Или же это просто человеческая натура.

Меня называли человеком. Однажды.

И какая-то часть меня все еще жаждет им быть.

Может, именно поэтому меня и привлекает оживленность Французского квартала. Мне не хотелось охотиться здесь, потому что эти места пробуждают мои воспоминания, которые не скоро забудутся. Боль, потери, разбитые сердца. Однако я снова здесь, чтобы свести старые счеты. Дать свое последнее представление.

*Sacro fremito di gloria / Tutta l'anima m'investe*²⁹.

«Священная дрожь славы / Наполняет мою душу».

Может, я все-таки еще человек.

²⁹ Д. Верди, «Аида».

Немного жестокости

– Селина! – позвала Пиппа, когда Селина бросилась в толпу, уверенно шагая вперед. Свобода. – Остановись. Нам незачем так спешить.

Селина замерла, чувствуя, как в ее груди разливается воодушевление. Ритм барабанов вдалеке сплетался со звоном тарелок. А вскоре и звук трубы наполнил дрожащий воздух. Горячий бриз играл с кончиками черной атласной ленты на шее Селины, лаская ключицу. Хотя она и стояла на месте, ее сердце тянулось к музыке, будто бы взывающей к чему-то глубоко в ее теле. Селина никогда не переставала удивляться тому, как оживала с наступлением ночи. Как влюблялась в луну все больше и больше.

Каждый вечер, несмотря на толстенные стены монастыря, Селина тихонько постукивала пятками, подыгрывая карнавальным мотивам. Ритмы и мелодии, и нарастающий темп, которые она никогда прежде не слышала, завлекали ее, заставляя позабыть о словах божьих. В этом она была не одинока. Пальцы Антонии тоже замирали на страницах молитвенника, ее мысли тоже уносились вместе с музыкой. Даже Пиппа улыбалась.

И вот они здесь, у них есть шанс попасть в самое сердце праздника.

Парад приближался, и народ разделился, расходясь по боковым улочкам Французского квартала. Уличные торговцы начинали расставлять свои лотки и тележки с едой и напитками на углах, ставя их друг за другом, и в воздухе вокруг витали ароматы специй, земли, шум металлических колес, стучащих по камням. Селина двинулась вместе с пританцовывающей толпой, таща Пиппу за собой. Когда они свернули за угол, сладковатый аромат, какого Селина не вдыхала никогда прежде, разлился по воздуху.

– Cochon de lait!³⁰ – выкрикнул мужчина с усами, покрытыми сажей, его голос пронизывал странный французский акцент. Он стоял над огромной телегой с тем, что походило на большого черного зверя из металла. Когда он открыл заслонку, Селина увидела жарящееся на крутящемся вертеле мясо, аромат горящих дров и сахарного тростника просачивался наружу. Мужчина полил запеченного поросенка какой-то смесью, которая пахла топленым маслом, белым вином, острым перцем и давленным чесноком. Вкусный дым поднялся от тлеющих углей, окружая улицу. Усатый мужчина ткнул вилкой в свиной бок, и кусок мяса упал на подставленный им ломоть хлеба. Народ тут же стал собираться вокруг повара и его металлического зверя.

Селина жутко жалела, что у нее с собой нет ни одной монеты. Чтобы хотя бы попробовать что-то столь аппетитное. Она знала, что подходить ближе к радостному параду – плохая идея, но эта беспечная радость так давно не оживляла ей душу. Она полагала, что так и должно быть, что это чувство вины за совершение такого непростительного преступления, как убийство.

Радость не живет в сердце, где царствует страх.

Пиппа увидела выражение лица Селины.

– Мы не можем здесь задерживаться, Селина, – сказала она мрачно. – Не можем смотреть парад.

– Знаю. – Селина сделала глубокий вдох. – Я просто представляю, что могли бы. Что задержались. И это было прекрасно.

Сочувственная улыбка изогнула губы Пиппы.

– Я тоже хочу посмотреть парад. Но если мать-настоятельница узнает, что мы ослушались ее указаний, что не пошли сразу же на встречу и сразу же не вернулись, она больше никогда не отпустит нас в город в одиночку.

– Конечно, – кивнула Селина. Однако ее ноги не сдвинулись с места.

³⁰ Молочный поросенок (фр.).

– Прошу тебя, – продолжила Пиппа, взяв ее за руку. – Жизнь гораздо сложнее, когда люди вокруг не имеют в нас веры.

Селина вздохнула. Как всегда, Пиппа была права. В прошлом стремление Селины к безрассудным поступкам создало ей немало проблем. И фатальных проблем, как минимум одиножды. Чувство радости, которое еще секунду назад расцвело в ее груди, завяло, как роза под солнцем.

– Ты права, – сказала мягко Селина. С сожалением. Она отвернулась от толпы и от всех своих притягательных мечтаний.

Они взялись с Пиппой за руки и отправились прочь от парада.

– Меня просто не увлекают приключения так, как тебя.

– В этом я сомневаюсь, – усмехнулась Селина. – Ты села на борт корабля, который отправлялся в неизвестные земли. – «И соврала ради меня сегодня», – добавила мысленно.

Невозможно было не заметить угрюмость, затмившую личико Пиппы. Любопытство снова завладело Селиной. Впервые за пять недель она увидела печаль в глазах подруги при упоминании ее прошлого.

А что, если Пиппа тоже скрывает страшный секрет?

Это казалось сомнительным.

– В Ливерпуле у меня ничего не осталось, – начала Пиппа, точно прочла мысли Селины. – Помимо знатного имени моей семьи и унаследованных долгов. Мой отец... потратил все наши деньги на азартные игры и падших женщин. – Она вздрогнула. – Лучше мне было уехать и строить собственную судьбу.

Любой, кто слышал это, понял бы, как сложно было Пиппе рассказывать о себе. Отчасти Селина испугалась, что Пиппа предпочла рассказать все именно ей. Она сжала руку Пиппы сильнее, однако все равно не смогла унять тревогу, уже зародившуюся внутри.

Пиппа будет рассчитывать на такую же искренность от Селины в ответ. На то, что Селина доверится ей и расскажет о своем прошлом. И, конечно, Пиппа поглядывала на Селину, пока они шагали по авеню Урсулин. Селине не нужно было спрашивать почему. Ее подруга ждала, когда Селина поведаст ей свою печальную историю.

Поведаст страшную правду.

Больше всего на свете Селина хотела рассказать Пиппе о том, что случилось. Но как Пиппа, ее единственный друг в Новом Свете, посмотрит на нее, если узнает, что Селина убила человека и сбежала из Парижа после этого? Пиппа говорила сама: что за монстр может отнять чужую жизнь? В лучшем случае она перестанет смотреть на Селину как на подругу. А в худшем?

Селине было страшно представить.

Исход все равно будет одним и тем же: у нее никого не останется. Так что Селина решила оставить правду при себе, вместо этого неопределенно пожав плечами. Мило улыбнувшись.

– Я понимаю твоё желание строить собственную судьбу, – сказала она. – У меня тоже ничего не осталось в Париже. Для меня тоже было лучше начать все сначала, на новом месте.

Пиппа ничего не сказала. Какое-то время она еще смотрела на Селину. А затем кивнула, точно решив оставить все как есть. Пока что.

* * *

Две девушки пришли на улицу Руаяль, ища знак, на котором написано «Жак». Свернув за угол, они прошли мимо узкой улочки, подозрительно пропахшей помоями. В переулке не горели фонари. Он словно был отрезан от цивилизации.

Селина резко замерла, когда услышала чье-то дыхание в тени. Ее словно ударило молнией, и электричество побежало по коже. Мужчина закричал что-то, умоляя пощадить его,

неразборчиво мешая английские и французские слова. Затем раздался удар, звук кулака по живой плоти.

Что, если всего в нескольких шагах от них происходит убийство?

Селина понимала, что разумнее будет продолжить свой путь. Так будет безопаснее.

Но если монстр отнимает чью-то жизнь, что за существо может отказаться от попытки спасти несчастного?

Пиппа дернула Селину за руку. Селина оставила это без внимания. Кого-то безжалостно избивали в подворотне до смерти. Притча о добром самаритянине зазвенела в голове, призывая ее к участию. Призывая действовать.

Мужчина снова закричал, и Селина сделала шаг вперед.

– Селина! – шепотом воскликнула Пиппа.

– Кто здесь? – раздался голос из подворотни.

Не моргнув, Селина тут же дернула Пиппу, прячась в тени рядом, сердце застучало в ее груди. Она выглянула из-за угла, в сторону переулка, дожидаясь, пока глаза привыкнут ко мраку.

– Нам не следует здесь быть, – шепнула Пиппа на ухо Селине, ее глаза широко раскрылись от ужаса, а дыхание сбилось. – Нам лучше уйти...

Селина прижала палец к губам Пиппы и покачала головой. И снова устремила свой взгляд на происходящее в потемках узенькой боковой улочки. Ей понадобилось всего мгновение, чтобы разобраться, что там происходит.

Мужчина лежал на боку среди сухих фруктовых очистков, его слова путались, но то, что он был в опасности, не вызывало сомнений. Он вскинул одну руку в мольбе. Его плечи тряслись от страха.

Двое других мужчин стояли по обеим сторонам от несчастного, издеваясь над ним, точно пара привидений в темных костюмах. Даже во мраке было видно, как тот, что пониже, зажег сигарету. Искра света блеснула в отражении его белоснежных зубов и осветила белую рубашку с закатанными рукавами.

Однако вовсе не этот мужчина привлек внимание Селины.

Его привлек другой, высокий мужчина, который стоял справа и наблюдал за избиванием, точно за каким-то веселым представлением. Как за пьесой, разыгранной на публику, которая за это развлечение заплатила.

На голове у него была соломенная шляпа, которую Селина тут же узнала.

Может, это лишь совпадение. Парень, которого она видела в ночь своего прибытия, воспоминание, которое с трудом могла вызвать в памяти на следующий день, не мог быть единственным любителем подобных шляп в Новом Орлеане. Но что-то в глубине души Селины подсказывало ей, что не стоит возлагать большие надежды на совпадения.

– Пожалуйста, *Fantôme*, – взвыл мужчина, скрючившийся в грязи. – *Pardonnez-moi*³¹, – молил он о прощении дрожащим голосом. Он протянул руку в сторону юноши в шляпе. Того, кого называл *Fantôme*. Призрак. Подходящее прозвище для существа, которое чувствует себя так непринужденно во тьме.

– Извинения ничего не значат без искупления грехов, Левек, – сказал Призрак хриплым голосом. Он стоял спиной к Селине, и ей сложно было рассмотреть его черты. Но даже малейшие его движения выглядели так, как у самых знатных юношей Парижа: беззаботно. Точно даже воздух, которым он дышал, пропитан алмазной пылью.

Одна лишь мысль об этом приводила Селину в ярость.

Продолжая, он сказал:

³¹ Прости меня (*фр.*).

– Тебя предупреждали о том, что произойдет, если ты будешь вести себя так неуважительно. – Он кивнул своему напарнику, курящему сигару, который тут же поправил свои закатанные рукава.

– Подожди, подожди, подожди! – закричал съездившийся мужчина, его голос становился громче с каждой новой мольбой. Он закрыл руками лицо, готовясь к новому удару. – Чего ты хочешь? Хочешь, чтобы я извинился перед ней? Я буду умолять на коленях, чтобы получить прощение мадемуазель Вальмонт. Я...

– Увы, Левек. У тебя нет ничего, что я или мадемуазель Вальмонт хотели бы. – Опираясь правым плечом на кирпичную стену, он опять кивнул своему товарищу с сигарой.

Точно раскат грома, кулак врезался в лицо дрожащего мужчины. Пока избиение продолжалось, Призрак прижал пальцы к своему горлу, точно проверял собственный пульс, а затем дернул плечом, стряхивая воображаемую ворсинку.

Звук ломающихся костей разразил воздух, заставляя Селину вздрогнуть.

Это ведь жестоко. Беспричинная жестокость. Ужасающая жестокость.

Она двинулась было вперед, чтобы прекратить избиение, но Пиппа проворно схватила ее за руку.

– Не вмешивайся, – сказала она. – Пожалуйста. Разъяренные мужчины непредсказуемы. Ее слова остановили Селину.

Конечно, они непредсказуемы. Она прекрасно знала, на что способны разъяренные мужчины. Ее мысли тут же унеслись в тот зимний вечер в ателье. Богатый мужчина, который предложил принести ей чаю и плед, пока она занята работой. Как ее шокировала эта непрошенная наглость. Как от его прикосновений вскоре стало больно. Ногти вонзились в ее руку. Пальцы дернули ее за волосы. Грубая ладонь схватила за щиколотку.

Нет.

Нет.

Нет.

А затем звук канделябра, проламывающего череп.

И последовавшая за этим резкая тишина. Растекающаяся по полу кровь.

Селина застыла от неожиданно всплывших на поверхность сознания воспоминаний. В тот момент она стала убийцей. А потом беглянкой. А теперь она живет в монастыре по ту сторону Атлантического океана и каждую ночь читает молитвы с другими юными девушками.

Какая же ирония.

Пиппа схватила ее за локоть.

– Селина?

Селина отмахнулась от своих мыслей, когда мужчина с сигарой двинулся прочь из переулка, стирая кровь с костяшек пальцев шелковым платком. Пиппа сделала отрывистый вдох, когда Селина шагнула ему навстречу, не задумываясь, становясь у него на пути, приветствуя его своим холодным взглядом. Он вскинул брови при виде ее.

Даже без света газовых фонарей Селина отчетливо видела, как он молод и как хорошо сидит его костюм. Тонкая золотая цепочка с болтающимся на ней моноклем висела у него на шее. На его почти что идеальной медно-красной коже ни царапины, а темные волнистые волосы растрепаны. По догадкам Селины, его семья, должно быть, прибыла из Ост-Индии. Его орехового цвета глаза блеснули с любопытством и нескрываемым интересом. Точно он просто случайно столкнулся с Селиной, прогуливаясь вечером по саду.

Без сомнений, взгляд джентльмена.

Глаза парня пробежали вверх и вниз по фигуре Селины. Затем он перевел взгляд на Пиппу, которую тут же одарил ленивой улыбкой. Потом он поклонился и отступил назад, освобождая им дорогу.

И Селина встретила – лицом к лицу – с *le Fantôme*. Ногти Пиппы вонзились Селине в кожу, выдавая испуг той.

Fantôme подошел ближе, ступая совершенно бесшумно. Он остановился перед Селиной, на его лице не было ни одной определенной эмоции, а плечи выглядели расслабленными. Сильный. Хотя он был ненамного выше парня с моноклем, но занимал собой, кажется, все свободное пространство. Селина поняла, почему их извозчик тогда поклонился, не задумываясь. Она с трудом заставила себя не распахивать в изумлении глаза, не раскрывать рот. Если бы она встретила этого юношу при свете дня, ей бы ничего не оставалось, как признать: Призрак был самым прекрасным молодым человеком, которого она видела за всю свою жизнь.

Кожа над его шейным платком была бронзовой, а мышцы на шее напряжены. Вдоль линии скул виднелась щетина, а тени придавали симметричным линиям его лица еще больше элегантности. Аристократичный нос идеально сочетался с густыми ресницами и темными бровями. Может, испанец? Или из Северной Африки? Неважно, он удивительным образом сочетал в себе Старый и Новый Свет. Пират из высшего общества. Он был... поистине красив. Как принц из страшной сказки.

Селина замерла, внезапно забыв все слова. Когда она осознала, что он лишил ее дара речи, украл само дыхание с ее языка, гнев вспыхнул у нее в горле.

Его губы едва заметно исказила усмешка. Легкая ямочка появилась на правой щеке. Его лицо буквально излучало надменность. Этот парень отлично знал, как он выглядит. Знал, как использовать свою силу, точно опытный владелец оружия.

Селина прищурилась.

Когда он заговорил, его глаза блеснули, придавая его выражению некую угрозу.

– Чем я могу помочь вам этим прекрасным вечером, мадемуазель? – спросил он негромко.

Раз уж этот дьявол явно наслаждался тем, как Селина теряет и краснеет, она решила не обращать на него внимания и вместо этого обратилась к его помощнику, стоящему позади, который уперся одной ногой в кирпичную стену, докуривая свою сигару.

– Вы чувствуете гордость за то, что избili невинного мужчину, меcье? – холодно поинтересовалась она.

– Ни капли, – ответил парень с британским акцентом, стоя в облаке бледно-голубого дыма. – Однако это помогает мне оставаться в форме для боксерского ринга.

– Как вы смеете шутить над своим поведением? – не сдавалась Селина. – Вам должно быть стыдно.

Парень с сигарой усмехнулся.

– Милая юная леди, вероятно, поменяла бы свое мнение, если бы узнала, что этот ублюдок натворил.

– Он беззащитен. А у вас и вашего... – Селина ткнула пальцем в сторону Призрака, по-прежнему отказываясь принимать во внимание его присутствие, – друга вся власть. – Когда она закончила говорить, избитый мужчина, все еще валяясь в грязи, поднял на нее опухшие глаза. Затем его голова снова рухнула, и грудь опустилась с облегчением.

– А что, если мы защищаем честь женщины? – Парень затушил сигару, топчась по ней своим каблуком.

Неожиданный вопрос на секунду застал Селину врасплох.

– Нет чести в том, чтобы избивать беззащитного человека.

– А девушка мудра не по годам, – мягко сказал Призрак, странный акцент пронизывал его слова. Когда он говорил, у Селины по спине пробежала волна ледяных мурашек. – Однако не полагайте, что знаете все, мадемуазель, – продолжал он.

Селина перевела взгляд на него, ее сердце застучало в груди. Она вздернула подбородок.

– Я знаю достаточно, меcье.

– Тогда знайте и это: правда не всегда такова, какой мы ее видим. – Он сделал паузу. – А теперь отойдите. – Его холодные глаза едва заметно сузились. – Пожалуйста.

Друг за его спиной рассмеялся.

– Себастьян Сен-Жермен... играет роль джентльмена вместо негодяя.

В ответ на это замечание мышца дрогнула на скуле Призрака. Едва видимое недовольство. Он скосил на друга глаза, предостерегая того без слов. Парень с моноклем в ответ лишь ухмыльнулся, что показалось Селине чрезвычайно странным, учитывая сложившиеся обстоятельства. Ведь один был явно выше по статусу, чем другой.

Неважно. У Призрака есть имя.

– Не нужно мне приказывать, Себастьян, – произнесла Селина твердо. – Только попробуйте.

Себастьян сделал медленный вдох.

– Я принимаю ваш вызов, мадемуазель. – С кривой полуулыбкой он взял ее за талию и отодвинул в сторону, подняв с такой легкостью, точно Селина была легче воздуха.

Селина поддалась инстинкту – желанию обезвредить противника, когда он ее схватил. Ее туфли теперь болтались в воздухе над дорожной брусчаткой, но когда ее глаза оказались на одном уровне с его глазами, она схватила Себастьяна за шелковый шейный платок. Дернула с несгибаемой решимостью. Он уставился на нее с удивлением, в недрах его взгляда точно зажегся огонь. Ямочка на его щеке снова появилась всего на долю секунды.

Ему было... забавно?

Поганец.

Она схватилась за шейный платок сильнее. Почувствовала, как дорогая ткань обвивает ее пальцы. Отказалась отводить взгляд, хотя он и держал ее в воздухе, словно марионетку за нити.

– Селина! – взвизгнула Пиппа. Селине не нужно было гадать, чтобы знать, как испугалась ее подруга. Пиппа подскочила к ним в панике. – Простите нас за то, что мы вам помешали, сэр. – Хотя Пиппа обращалась к Себастьяну, его глаза цвета пушечной бронзы не оторвались от Селины. – Нам нужно идти, – поторопила ее Пиппа.

– Поставьте меня на землю, месье Сен-Жермен, – потребовала Селина. – Немедленно.

К ее изумлению, Себастьян опустил ее на ноги. Однако он не убрал руки с ее талии, как и Селина не отпустила его платок. Даже через корсет она чувствовала прикосновение его больших пальцев на своих бедрах и остальных – на талии. Ее пульс забился чаще, ритмично и быстро.

– А она с зубами, – произнес Себастьян тихо. – Но есть ли у нее когти?

– Есть только один способ это узнать. – Она хотела, чтобы ее слова прозвучали как угроза.

Однако он снова принял вызов.

Себастьян улыбнулся. Не успел скрыть улыбку. Для юноши, который, очевидно, гордился своей выдержкой, это казалось непривычным. В то же время черты его лица посуровели, давая Селине понять, что он вовсе не забавляется.

А что, если он заинтригован?

Селина отпустила его платок, тыльная сторона ее руки скользнула по обсидиановой пуговице на его жилете. Хотя это прикосновение было далеко не самым неприятным из ее поступков за сегодняшний вечер, ей почудилось, будто она нарушает границы. Ведет себя непристойно. Ее щеки вспыхнули, когда что-то в его взгляде переменялось.

– Бастьян, – голос его друга прервал их безмолвный разговор, – нам лучше убраться, пока кто-нибудь не вызвал полицию. – Он уверенно сделал шаг вперед, протягивая ладонь к плечу Себастьяна, привлекая его внимание.

Чудесная секунда прошла, прежде чем Бастьян наконец отозвался. Он убрал руки с талии Селины, сделал шаг назад и кивнул ей, коснувшись края своей соломенной шляпы. С ужасом она поняла, что его прикосновение впилось в ее кожу. Только так можно было объяснить,

почему воздух вокруг талии Селины внезапно стал таким обжигающе холодным. А когда он прошел мимо нее, запах бергамота и кожи последовал следом за ним.

Шквал чувств хлынул на Селину. Она вцепилась в свое негодование, как в якорь. Когда она обернулась, чтобы убедиться, что за ней последнее слово, то заметила краем глаза что-то серебряное. Ей потребовалось меньше секунды, чтобы понять, что это.

Мужчина в грязи вытащил из своего ботинка кинжал, его лицо со шрамом в свете луны теперь выглядело смертоносным.

Селина закричала, пытаясь всех предупредить, дернув Пиппу в сторону. В то же мгновение Бастьян развернулся, выдернув револьвер из внутренних складок своего жилета одним движением. Он прицелился, готовясь выстрелить, однако его друг бросился на мужчину с кинжалом первым, схватив того за бок.

Без видимой причины мужчина в ту же секунду рухнул лицом вперед, точно внезапно уснул, и кинжал со звоном упал на землю рядом с ним.

Все произошло слишком быстро. Селина моргнула раз. Другой. Пиппа испуганно выдохнула, ее светлые кудри рассыпались по лбу.

– Что вы сделали? – прошептала Селина парню с моноклем. – Он... мертв?

Двое юношей молча переглянулись, точно ведя диалог.

– Он... спит, – осторожно пояснил парень с моноклем так, словно эта версия правды показалась ему наилучшей. – Будет свеж и бодр уже через час, хотя увалень этого и не заслуживает.

– Но...

– Мы закончили разговор, – сказал Бастьян холодным тоном. Ставя своей фразой точку. Селина глянула на него сердито.

– Вы совершенно не...

– Прошу меня извинить, мадемуазель. И вы, мисс. – Он поклонился Пиппе, прежде чем пойти прочь. – Арджун? – позвал он через плечо. – Полагаю, я задолжал тебе выпивку.

– Не дай бог отказаться от такого великодушного предложения. – Арджун насмешливо улыбнулся, наклонившись, чтобы подобрать упавший кинжал, а затем швырнуть его подальше в кусты. – Особенно если предлагает такой глубокоуважаемый джентльмен.

Селина прикусила губу, когда они зашагали прочь, и, силясь не потерять терпение, сжала в кулаки руки. Этот проклятый наглец столько всего сумел у нее украсть за время их короткого знакомства. Слова с ее губ, дыхание с ее языка. А теперь он пытается отмахнуться от нее, как от ребенка?

– Вы вовсе не джентльмен, месье Сен-Жермен, – заявила Селина громко.

Он резко перестал шагать. Развернулся, крутанувшись на пятках.

– Вы так полагаете, Селина?

Она выпрямилась, костяшки ее пальцев побелели.

– Да. Полагаю.

Бастьян подошел к ней ближе. Луч света блеснул на золотой цепочке его часов и на ревущем льве на его перстне с печаткой.

– Мне плевать.

Пиппа ахнула, зажав рот двумя руками, ее глаза округлились, как чайные блюдца.

А Бастьян уже продолжил свой путь, и Арджун засмеялся, зашагав за ним следом. Уходя почти что с сожалением.

Слово будто встряхнуло Селину. Она никогда не слышала, чтобы его произносили вслух. Обеспеченная жизнь в Париже всегда оберегала ее от подобного рода разговоров. Ее отец часто говорил, что женский слух слишком деликатен для таких вещей. Однако Селина вовсе не чувствовала себя так, словно ее деликатный женский слух был оскорблен одним этим звуком. Бастьян, может, и произнес бранное слово, но он разговаривал с ней так, как если бы говорил с

мужчиной. На равных. Кровь пронеслась по ее телу, наполняя каждую клеточку адреналином. Испуг сдавил ей горло, медленно сжимая его все сильнее.

Она вспомнила это чувство. Узнала его. Она ощущала то же самое, когда ее обидчик замер на полу ателье, когда алая кровь потекла из раны в его черепе, а ее руки еще сжимали канделябр.

Селина чувствовала себя... сильной. Частью чего-то большего, чем она сама.

И все же она по-прежнему ни капли не раскаивалась в своем преступлении.

Страшно было думать, что такое темное создание живет под кожей Селины. Она вела себя не так, как набожная юная особа, и не так, как девушка, которая должна – по всем правилам – умолять о прощении. Умолять об избавлении от грехов Бога, которого на самом-то деле она не до конца понимала и даже не знала.

Селина моргнула, чтобы освободить мысли. В этот же момент Пиппа дернула ее за руку.

– Ты в порядке? – спросила Пиппа недоверчивым тоном. – Я не... – попыталась она. – То есть ты можешь поверить в то, что он сказал тебе?

Селина кивнула, не доверяя своему голосу.

Она не была уверена в том, почему волей судьбы ее путь снова пересекся с Себастьяном Сен-Жерменом. Может, это испытание. Божественное наказание за ее самый ужасный из грехов – таким образом юноша, скрытый в тени, заставит ее ступить на путь света. Сделает ее добрым самаритянином.

Но еще более ужасный страх зародился в душе Селины. За бушующей кровью, в глубине самых костей.

Неважно, куда она отправится, опасность последует за ней.

Это ее пугало. Но и воодушевляло не меньше.

Зима, 1872

Улица Сен-Луис

Новый Орлеан

Я замечаю ее профиль в свете блестящей медной вывески.

Ее страх отражается во мне, ее глаза сияют.

Я отворачиваюсь. Это напоминает мне о юной девушке прошлой недели. Мне больше не приятен вид страха, хотя я знаю, что это вынужденное зло. Ибо если мы не понимаем страх, как можем мы ценить безопасность?

Я поворачиваюсь к трехэтажному зданию передо мной, его балконы переполнены цветущими бутонами и плющом. В самом центре красуется медная вывеска, на которой чрезмерно витиеватыми буквами написано имя: «Жак». Над именем есть символ, который я часто вижу в своих снах. Символ, плачевно известный в кругах как Падших, так и Братства.

Ресторан занимает весь первый этаж здания, а газовые фонари уже зажжены. Очередь тянется от самого угла. Кто-то, наверняка Кассамир, распахнул двойные двери, выставляя напоказ улыбающийся народ внутри, звон дорогого фарфора и мерцающего хрусталя. Официанты снуют между столиками в своих белоснежных перчатках и накрахмаленных пиджаках. На миг меня ошеломляет это единение роскоши и упадка. Музыка, которая мне отлично знакома, которая есть и в моей нынешней жизни, которая была и в прошлой. Улыбка растягивает мои губы.

Забавно, что из всех возможных мест она привела меня именно сюда.

Если бы только эти несчастные глупцы знали, что спует во тьме вокруг них, в глубине Львиных Чертогов. Если бы только мои жертвы знали. Тогда бы они поняли, что такое истинный страх.

Когда я поворачиваюсь, чтобы вновь взглянуть на нее, то вижу сомнения на ее лице, словно она колеблется, стоит ли идти дальше. Недавние события ее беспокоят, и это вызывает у меня грусть. Мне хотелось верить, что она будет сильнее. Она начала этот вечер с такой уверенностью, каждый ее шаг был твердым. Решительным.

Возможно, мне не следует критиковать ее столь резко. Этот город не для каждого.

Он – змея в камышах, прекрасная и смертоносная, даже во время сна.

Более того, отчасти я ощущаю вину за ее страх. Мне было бы просто им помочь. Мне понадобилась бы лишь секунда, чтобы ворваться в тот переулок и поставить точку тем пустяковым угрозам. Но какая была бы от этого польза, помимо риска раскрыть свою истинную натуру раньше времени? Насколько я знаю, моей жертве пока не угрожала никакая реальная опасность. По крайней мере, точно не со стороны племянника графа Сен-Жермена.

Горечь появляется у меня на языке.

Это обещание, отречься от которого у меня нет сил. Пока что нет.

Мы еще не готовы к войне, к которой все это приведет.

Мои мысли мрачнеют, и мне это не нравится, поэтому я возвращаюсь к своим прежним веселым раздумьям. Возможно, Арджун Десай, мальчишка с парализующим прикосновением, может оказаться угрозой однажды, но пока говорить об этом рано. Его набор навыков продолжает меня удивлять, как было и в первый день нашего знакомства. Без сомнений, он достойный член Львиных Чертогов.

Новая улыбка расцветает на моем лице. Меня радует, что обществу менталистов нашего города, притворяющемуся чем-то совершенно иным, удалось завербовать его.

Теперь события должны разворачиваться куда более интригующе.

Однако я не могу позволить всему этому отвлекать меня больше, чем я уже отвлекаюсь. Не сегодня вечером. Для меня слишком много всего на кону, чтобы раздумывать над второстепенными задачами.

Я обращаю свой взор обратно к ней, к юной особе, которая привела меня туда, где все началось, даже не подозревая об этом.

То, что надо.

Она останавливается у входа в «Жак», снова подвергая сомнениям свои решения.

О, но ведь уже поздно, любовь моя.

Мы не можем изменить ошибки нашего прошлого. Они будут жить, чтобы мы учились на них, если, конечно, будем так удачливы и выживем. Увы, дорогая моя, твоя удача сегодня от тебя отвернется.

Я паук. Я пряду шелковые ловушки. Я наблюдаю, как ты ступаешь в мои сети.

Я жду, чтобы нанести удар.

Однако не бойся. Я обещаю, что никогда тебя не забуду.

Львиные Чертоги

Селина дождалась, пока Пиппа придет в себя, стоя у выхода из переулочка. Когда Селина поняла, что ведет себя странно – стоит слишком неподвижно и не моргает? – то начала повторять движения за Пиппой, поправляя юбку, словно только об этом и следует беспокоиться.

Селина никогда не переставала удивляться тому, что события могут измениться так радикально за какие-то считанные мгновения. Секунда, и каждый нерв в ее теле ожил, потрескивая с невиданной энергией. Еще секунда, и все застыло и замерло, точно ее погрузили глубоко под воду.

– Селина? – Две морщинки собрались у Пиппы между бровями.

Она догадалась, что Пиппа задает вопрос. По правде сказать, Селина не слушала. С тех самых пор, как Бастьян и Арджун ушли из подворотни, после того, как мужчина, попытавшийся ударить их кинжалом, рухнул на землю, «уснув», Пиппа нервно болтала без остановки.

Мысли же Селины унеслись в совсем другом направлении. Потерялись в приятной неизвестности.

– Ты хоть слово услышала из того, что я сказала? – спросила Пиппа. Она подобрала свою юбку и подошла ближе к Селине, в чертах ее лица зарождалось беспокойство. – Я спросила, хочешь ли ты все еще встретиться с Одеттой.

– Конечно, – ответила Селина, не задумываясь.

Тревога затронула губы Пиппы, изогнув их и тут же исчезнув.

– Ох.

– А ты не хочешь с ней встретиться?

– Не в этом дело, – покачала головой Пиппа. – Я просто... не уверена, верное ли это решение. – Ее голубые глаза устремились на Селину. – Этот вечер проходит совсем не так, как я рассчитывала. Я думаю, лучше нам прекратить испытывать судьбу.

Конечно же, Пиппа чувствовала себя неудобно. Большинство людей чувствовали бы потрясение после событий нынешнего вечера. Девушка, как Пиппа, мечтала бы оказаться подальше отсюда. Нет, не так. Она мечтала бы оказаться дома, в своей безопасной постели, с теплым пледом и горячим чаем. А еще лучше – с матерью или любимым, который может успокоить.

Селина медленно выдохнула, мысленно приходя к пугающему осознанию.

Настоящая юная леди точно не чувствовала бы себя воодушевленной даже от одной идеи, пророчащей опасность. И уж тем более не стала бы тут же искать новую возможность ощутить, как пульсирует сердце в ее ушах и как вспыхивает кожа, словно находится слишком близко к пламени свечи.

Еще одно доказательство того, что нечто внутри Селины сломано.

Сделав глубокий выдох через нос, Селина осторожно взяла свою подругу за руку. Успокаивая.

– Прости, Пиппа, – сказала она. – Я отвлеклась из-за всего случившегося. Конечно, ты не хочешь встречаться с Одеттой сегодня, после... ну всего. Я полностью тебя понимаю. Мы сейчас же отправимся обратно в монастырь. – Она говорила тихо, чтобы разочарование не было слышно в ее голосе, хотя она и правда расстроилась.

Но ее подруга уже достаточно рисковала сегодня ради нее.

Когда Селина двинулась обратно, туда, откуда они пришли, Пиппа замешкалась позади. Селина обернулась.

– Пиппа?

Один уголок рта Пиппы дернулся вверх.

– Ты очень хочешь пойти, не так ли? Ты сегодня была счастливее, чем я когда-либо видела. Свободнее.

Селина подумала о том, чтобы соврать. Но она устала врать. Так сильно устала.

Она просто кивнула.

Тепло появилось во взгляде Пиппы.

– Я словно украдкой взглянула, кто ты на самом деле, – призналась она мягко. – Мне почудилось, мы и правда подруги.

– Мы и правда подруги.

Пиппа покачала головой, но не враждебно.

– Еще нет. Но я надеюсь, мы ими станем. Я действительно хочу дружить с тобой, Селина.

Селина сглотнула, ее сердце сдавило.

– Я тоже хочу быть твоей подругой, Пиппа. Очень-очень.

Пиппа кивнула. Затем она отпустила свою юбку, и решительность мелькнула на ее лице.

– Нам не следует заставлять Одетту ждать.

* * *

Всего через пару кварталов Селина с Пиппой приметили медную вывеску, устроившуюся над изящными двойными дверями ярко освещенного здания.

На ней витиеватыми буквами было написано «Жак». Над именем красовался знакомый символ: fleur-de-lis в пасти рычащего льва. Вдалеке виднелись зловещие очертания причала, вода блестела, точно море черных бриллиантов, готовое поглотить целиком любого.

– Ох, – вздохнула Пиппа, когда поняла. – Это ресторан.

То же удивление завладело и Селиной на миг. Странно, что Одетта дала им адрес ресторана, особенно раз дело касалось снятия мерок для платья.

Судя по длинной очереди, собравшейся у входа, владелец ресторана «Жак» явно знал, как привлекать внимание публики, особенно в вечер понедельника. Однако снаружи здание выглядело довольно непримечательным. Красные кирпичи и лакированные ставни высотой в три этажа. Газовые фонари горели между высокими узкими окнами. Отполированный деревянный пол отражал свет своим карамельным цветом. Портьеры из бордового дамаста украшали стены.

Однако Селине казалось, что что-то... не так. Точно картина в раме, висящая косо. Точно в ресторане тщательно продумана каждая деталь, чтобы он выглядел обычно и повседневно, как маска, нацеленная скрыть правду. Спрятать нечто, о чем Селина могла только догадываться.

Каждый раз, когда двери открывались, хрусталь на люстре, висевшей у входа, задорно звякал, приветствуя новых посетителей. А затем протяжные отзвуки этой мелодии становились унылыми. Едва заметное для слуха неблагозвучие, едва уловимый сдвиг в минорную тональность.

Для Селины это звучало как тихое предупреждение. Тем не менее все в зале улыбались, определенно не замечая никакой угрозы. Ее взгляд пробежал по лицам бесчисленных посетителей ресторана.

Как они могут ничего не замечать?

Может, Селина ошибалась. Может, она заметила это, потому что намеренно искала подвох. Может, она хотела доказать себе, что не одной ей приходится притворяться. И потому ложно оклеветала прекрасный дух... ресторана.

«Как глупо», – укорила она сама себя. Какой идиот будет рассуждать о живом духе строения из цемента и кирпича? Селина заставила себя отбросить все сомнения в сторону, словно камень, валяющийся у нее на пути.

Пиппа коснулась плеча Селины, привлекая к себе внимание.

– Нам следует отыскать джентльмена, которого упоминала сегодня Одетта?

– Mais oui³². Веди. – Селина бросила натянутую беззаботную улыбку подруге через плечо.

Как только девушки перешагнули через порог «Жака», Пиппа замерла, вздрогнув от тревоги, а воображаемый камень снова выкатился на дорогу перед Селиной. Она, должно быть, сошла с ума, раз видит и чувствует то, чего просто не может быть. Однако даже в самых сумасшедших своих фантазиях было невозможно проигнорировать эту правду: «Жак» – далеко не обычный ресторан.

И дело вовсе не в том, что видит или не видит Селина. Дело в том, что она чувствует.

Странное ощущение закралось ей под кожу, покалывая кровь, пуская корни в тело. Что-то будто схватило ее за позвоночник, завлекая безмолвным обещанием. Что-то... не от мира сего.

Да. Вот оно. Ей казалось, будто она шагнула в другую реальность. Не рай. Не ад. Но что-то посередине. Пограничное пространство, где делятся свет и тьма. Что бы это ни было, она чувствовала себя здесь комфортно.

Кто-то толкнул Селину локтем в руку, заставив прервать свои размышления. Официант, проносясь мимо, бросил на нее виноватый взгляд, нахмутив веснушчатый лоб. В обеих руках он нес подносы с закрытыми серебряными крышками блюдами. Селина проследила за ним через зал, подведя Пиппу к деревянной панели на стене рядом с входом, подальше от основного прохода.

Пиппа внимательно огляделась по сторонам.

– Ты его видишь?

Очарованная происходящим вокруг них, Селина не ответила.

На другой стороне зала, рядом с изогнутой лестницей, ведущей на темный второй этаж, веснушчатый официант мелькнул у раскачивающихся дверей на кухню. Там стоял властный мужчина, его шелковый чистый сюртук сверкал в свете свечей. Даже издалека Селина поняла, что он управляет этим кулинарным королевством. Гордая осанка, темная кожа и золотая серьга в правом ухе в контраст с его белоснежной рубашкой. Он взглянул на официанта и устремил взгляд на столик, у которого стояли Пиппа и Селина. Его взгляд был выразительный. Обвинительный.

Румянец проступил на щеках официанта, он виртуозно развернулся и поспешил обратно к столику. Понес крытые блюда своим четверым гостям, один из которых был бледным джентльменом азиатских кровей с аккуратными усиками и в скромной рубашке. Рядом с ним сидел тучный белокожий господин с красными пятнами на переносице и дымящейся сигарой. Напротив них сидел мужчина с кожей цвета красного дерева, в примечательном жилете золотого и королевского синего цветов. Рядом с ним со скучающим видом сидела его точная копия, но несколькими годами моложе.

Это показалось Селине крайне необычным. Она ни разу не видела, чтобы мужчина с другим цветом кожи сидел в том же дорогом ресторане, что и люди с белой кожей.

Парижское высшее общество не было смешанным. В Париже, который помнила Селина, каждый знал свое место, и даже районы в нем были поделены. Когда Селина была маленькой, ей говорили, что нельзя переходить границу Сен-Дени, так как там живут *émigré*³³, а им, их виду, не было дозволено ступать на бульвары Пляс-Вандом³⁴. Селина задумалась, а была ли подобная сцена, что она наблюдает сейчас здесь, в порядке вещей в портовом городе Новом Орлеане, где собираются люди со всего мира?

³² Да, конечно (*фр.*).

³³ Эмигранты (*фр.*).

³⁴ Place Vendôme – квартал в центре Парижа, название которому дала расположенная в нем Вандомская площадь.

Она готова была поспорить, что это не так. Не было это в порядке вещей и для ее семьи. С ранних лет Селину учили быть благодарной, что ее мать не ужинает с ними за одним столом.

Грусть охватила сердце Селины. Она попыталась взять ее под контроль. Спрятать подальше в груди – ничего хорошего не выходит из того, чтобы раздумывать над событиями, которые она не в силах изменить. Стараясь не заикливаться на этом, Селина глянула на Пиппу, пытаясь понять, стоит ли им идти дальше.

Похоже, Пиппу тоже поразила невероятная магия ресторана. Она с восхищением наблюдала, как веснушчатый официант заканчивает расставлять блюда перед гостями. Затем он театрально шелкнул пальцами и поднял крышки, покрывающие кушанья. Аромат потянулся по воздуху, касаясь Селины и Пиппы, точно заколдованный ветер. Пиппа замерла, закрыв глаза.

– Что... это за вкуснятина? – спросила она у Селины.

Селина вытянула шею поближе к столу, вглядываясь в ресторанный суматоху.

Еда пахла знакомо, тот же аромат масла и вина, тот же привкус майорана, тимьяна и розмарина, которыми она наслаждалась, живя в Париже. Однако было в воздухе что-то еще. Приправы, которых она не могла распознать.

Они внезапно заняли все ее мысли и чувства. Дразнили ее. Сводили ее с ума.

На раскрытых блюдах из лиможского фарфора красовалось филе камбалы с ароматным рисом с соусом, похожим на соус бер-блан³⁵, однако с дополнением из печеных томатов и приправой из сладких трав. Рядом с аппетитной рыбой стоял супник с *pommes de terre soufflées*³⁶. Толченный картофель подавался с замысловатой пирамидкой спаржи в трюфельном соусе и был украшен подкопченным мясом.

За столиком неподалеку от них элегантная женщина в жемчугах пила красное вино из бокала, на тарелке перед ней лежали гужеры³⁷, запах сыра грюйер смешивался с богатым ароматом бургундского вина.

На секунду Селина готова была отдать все на свете, чтобы оказаться на месте этой обеспеченной дамы, хотя бы на один вечер. Отведать что-нибудь роскошное, забыть обо всех, кто ее окружает.

– О! – воскликнула Пиппа, испугавшись неожиданно вспыхнувшего языка пламени на другом столике. *Maître d'hôtel*³⁸ в белых перчатках встряхнул пылающую сковородку, и синее пламя заиграло по краям сковороды. Содержимое походило на странный кремовый фрукт, покрытый коричневым сахаром, затем он быстро потушил пламя бурбоном до того, как то успело разгореться. Нежный аромат теплой карамели наполнил воздух, люди за разными столиками устремили глаза на блюдо.

Нет, это просто несправедливо!

Сердце Селины кричало от негодования, она вспомнила безвкусное рагу, которое ела сегодня на ужин. Что будет, если она сейчас закажет что-нибудь, а потом не сможет заплатить за еду? Ее заставят всю ночь мыть посуду? Может, привяжут к забору и закидают тухлыми овощами, как во времена Шекспира?

Стоит ли это того?

Решительность наполнила ее. В какой-то момент Селина была готова остаться в ресторане и сделать заказ. Может, ей даже удалось бы убедить Пиппу присоединиться. Возможно.

Желудок Пиппы заурчал, и лукавая улыбка заиграла на губах Селины.

И в этот самый момент остановившаяся у хлопающих дверей кухни фигура обратила на них свое внимание. Мужчина скосил глаза, оценивая их издали. Должно быть, это и был тот

³⁵ Масляный густой соус на основе выпаренного белого вина, уксуса и лука-шалота.

³⁶ Картофельное пюре (*фр.*).

³⁷ Французская несладкая выпечка из заварного теста с сыром.

³⁸ Метрдотель (*фр.*).

человек с греховным голосом и серьгой в ухе, о котором говорила Одетта во время их встречи сегодня днем.

Прежде чем Селина успела двинуться в его сторону, мужчина покинул свое место и отправился к входу в ресторан, где стояли девушки. Он шагал целеустремленно, хотя и не забывал следить за происходящим в зале, подмечая ошибки своего персонала, готовый отчитать любого, если потребуется. Двигаясь сквозь толпу, он указал пальцем себе за спину, и другой джентльмен послушно занял его место у хлопающих дверей кухни.

Селина восхищалась его походкой. Уважением, которое он вызывал. Меньше чем десять лет назад мужчина с его цветом кожи был бы рабом в южных частях Америки, которого заставляют работать в полях под палящим солнцем целыми днями. Селина знала, что их до сих пор не расценивают как равных, а уж тем более не позволяют занимать престижные должности в элегантных ресторанах, указывая белокожим мужчинам в идеально отглаженных костюмах, что и как делать.

Вид этого человека, управляющего таким заведением, как «Жак», наполнял Селину чувством, которое она не до конца могла понять в себе.

Он остановился точно напротив Селины. Она уставилась на него снизу вверх, в его взгляде не было дружелюбия.

– Могу ли я вам помочь, мадемуазель? – спросил он с легким акцентом. – Если вы хотите занять место за столиком, вам лучше встать в очередь снаружи. – Его голос напоминал ей приближающийся шторм. Громыканье вдалеке, завывание ветра, гонящего тучи.

Хотя Селина и должна была ощущать себя не в своей тарелке от такого отношения, она поняла, что это на нее не действует. Она спокойна.

– Здравствуйте, – начала она уверенным тоном. – Меня зовут Селина.

Он вскинул брови, но ничего не добавил.

– Мне сказали, чтобы я не обращала внимания на очередь, – продолжила она, – и попросила вас проводить меня к Одетте.

Его взгляд смягчился.

– Прошу меня извинить. – В его глазах заиграли теплые огоньки. – Вам стоило с этого и начать, мадемуазель. – Он щелкнул пальцами в воздухе, и снующие вокруг официанты расступились, освобождая им путь.

– Je m'appelle³⁹ Кассамир, – представился он, поправляя свои золотые запонки, на которых изображалась та же геральдическая лилия в пасти льва. – Я несу ответственность за ресторан. Как другу мадемуазель Вальмонт вам всегда рады в «Жаке», и не сомневайтесь, мои сотрудники готовы оказать вам любую услугу. – Он повел их к изогнутой лестнице у задней стены.

– C'est un plaisir de vous rencontrer⁴⁰, Кассамир, – ответила Селина с улыбкой.

– Рада знакомству с вами, мистер... Кассамир, – эхом отозвалась Пиппа, ее голос прозвучал тихо, как мышинный писк.

Ухмылка заиграла на губах Кассамира.

– Пожалуйста, зовите меня просто Кассамир, мадемуазель. Моя фамилия не имеет великого статуса, и я редко ее использую.

Селина хотела спросить, что Кассамир имеет в виду, однако передумала, когда взглянула через плечо. Увидев Пиппу, смело шагающую вперед, несмотря на все ее переживания сегодняшним вечером, Селина почувствовала себя виноватой. Вот, она снова ставит Пиппу в неудобное положение. Настоящая подруга спрашивала бы, все ли в порядке, почаше.

³⁹ Меня зовут (*фр.*).

⁴⁰ Приятно познакомиться (*фр.*).

Втроем они поднялись по изогнутой лестнице, и тревога стала вдруг наполнять Селину, начиная с кончиков пальцев на ногах и дальше вверх по позвоночнику. Она чуть не оступилась, когда ступеньки начали сужаться на вершине.

Нехорошее предчувствие закралось ей в сердце, когда страх достиг горла. Это было странное ощущение, странная смесь эмоций. Насколько Селина могла вспомнить, ей всегда нравилось такое предвкушение опасности. Мальчишки, живущие на одной улице с ней, называли ее *une petite sottie*⁴¹, когда она балансировала на перилах ограждения своего балкона на одной ноге.

– Ты маленькая дурочка, – кричали они снизу, чувствуя себя в безопасности и вправе быть важнее и умнее ее. – *Veustu mourir, Marceline Rousseau*⁴²

Они не могли ошибаться еще больше. Конечно, тогда Селина не хотела умереть, не было у нее такого желания и сейчас. На самом-то деле ее желание было прямо противоположным. Ее просто всегда манило возбуждение, которое идет рука об руку с опасностью.

Шанс почувствовать себя по-настоящему живой.

Однако те маленькие тираны в своих поношенных шерстяных кепках не были и полностью не правы, называя ее дурочкой. Даже тогда она понимала, что привлекать опасность так прямолинейно и неоправданно – верх глупости. Жажда опасности, как кусочка горячего шоколадного торта. Если мать-настоятельница была бы сейчас с ними, Селина знала, что та заставила бы их покинуть это заведение немедленно. Признаки опасности сновали повсюду, даже в зловещих изгибах кованого железа перил лестницы.

Селина увидела второй этаж, тусклый свет от множества газовых ламп придавал всему приглушенные оттенки. Воздух вокруг них тоже словно остыл. Охладел, точно они шагнули из дня в ночь, пройдя лишь один пролет лестницы.

Они поднялись, и Кассамир продолжил идти непринужденной походкой. Здесь перила лестницы украшала блестящая латунь, и с каждой их стороны был выкован символ геральдической лилии в пасти ревущего льва.

Этот символ будто бы специально преследовал Селину весь сегодняшний день.

Или, быть может, безмолвно вел ее в это место.

Что-то затеплилось в ее груди. Невидимая сила, которая медленно разлилась по рукам и ногам. Пиппа рядом схватила Селину за руку, очевидно, испытывая то же самое беспокоящее ее ощущение. Это ощущение парило и в воздухе на пороге между светом и тьмой.

Кассамир повернулся к ним, его пронзительный взгляд, кажется, мог прожечь душу насквозь.

– *Bienvenue a La Cour des Lions.*

«Добро пожаловать в Львиные Чертоги».

⁴¹ Маленькая дурочка (*фр.*).

⁴² Ты хочешь умереть, Марселина Руссо? (*фр.*)

Туссен⁴³

Первое, на что Селина обратила внимание, это звуки. А точнее, их отсутствие.

Как только ее ноги ступили на пушистый ковер, расстеленный наверху перед лестницей, шум, доносящийся снизу, растворился. Точно его скрыло тяжелое одеяло, которое накинули на весь второй этаж, чтобы уберечься от лишних ушей.

Но такое ведь невозможно. Разве кто-то может устроить подобное?

Селина ждала, пока ее зрение медленно привыкнет к полумраку.

Тусклый свет озарял прямоугольное помещение, отражаясь на поверхностях деревянных столов. Вокруг столов стояли темные фигуры, одетые в шелка, в сверкающих драгоценностях, а хрустальные бокалы в их руках блестели при каждом движении. Едва уловимый бриз волновал воздух, разбавляя поднимающееся с первого этажа тепло. Пол и панели на стенах были выкрашены в бордовый цвет и отполированы так, что напоминали поверхности черных зеркал. Шелковые портьеры дорогого цвета индиго с золотыми кисточками обрамляли каждое окно. Высокий стул стоял в центре зала, словно трон, предназначенный для императрицы или древней богини.

То самое ощущение приглушенной реальности, когда зрение точно размывается по краям, окутывало пространство. Едва нарушали тишину лишь стук кубиков из слоновой кости по войлочному сукну и шелест глянцевых карт, когда их перемешивали и раздавали, а еще иногда слышались тихие радостные восклицания.

– Это... игорный дом, – сказала Пиппа, в ее голосе сочетались дискомфорт и восторг.

Селина кивнула.

Так и есть. Но не совсем.

Она не могла не обращать внимания на ощущение, что видит перед собой будто бы прекрасную маску. Какую-то искусную иллюзию. И что если она хорошенько встряхнет головой, то видение растворится и она наконец сможет рассмотреть правду. Это и были те самые *Чертоги*, о которых говорили две дамы на Джексон-сквер сегодня днем? Могли ли эти богатые люди в драгоценных украшениях быть виновны в том зверском преступлении?

На первый взгляд так не казалось.

Однако все знают, что первое впечатление обманчиво.

Каждый раз, когда Селина слышала упоминание об игорных домах, их описывали как рассадники беззакония. Влиятельные мужчины, попивающие крепкие напитки, проигрывая целые состояния за один бросок кубиков. Женщины легкого поведения с напудренными личиками, которые снуют вокруг, предлагая свои соблазнительные услуги. Оголенная кожа и разлитый алкоголь, пышный бархат и холодная слоновая кость. Роскошь на пике своей распушенности.

Сцена же, за которой наблюдала сейчас Селина, не могла быть более цивилизованной. Куда бы она ни взглянула, везде видела обворожительных дам и элегантных мужчин всех цветов кожи, которые обращались друг к другу, кажется, на равных.

Словно в этом нет ничего удивительного.

В этот самый миг триумфальный возглас раздался во тьме справа от них, за карточной игрой. Звук заставил Селину повернуться к овальному столику из блестящего узорчатого дерева, цифры на котором мелькали как разряды молнии из текстур, привлекая к себе бесчисленными вариантами возможностей.

«Рулетка» – она слышала об этой игре и раньше, но у нее никогда не было шанса сыграть самой.

⁴³ От фр. Toussaint (досл. «Собор Всех Святых») – христианский праздник, день памяти всех святых.

– Селина? – Пиппа сзади умоляюще взяла ее за руку.

Селина замерла на полпути и посмотрела на подругу через плечо.

– Что ты делаешь? – спросила негромко Пиппа.

Вопрос только взбодрил Селину. Придал ей целеустремленности. Может, виной тому был золотистый свет газовых ламп. Или же тяжелый запах специй, смешивающийся с дымом сигар. Что бы это ни было, она не хотела прятаться среди колышущихся теней.

Она хотела парить среди них.

– Я собираюсь играть в рулетку, – ответила Селина, ее голос пронизывала уверенность.

Шок искажил черты лица Пиппы.

– Что?

Селине надоело, что все, что она могла делать, – это смотреть со стороны. Она устала носить собственную маску и быть разве что наблюдателем жизни, а не ее участником.

– Ты хотела знать, кто я на самом деле. – Она прикусила нижнюю губу. – Я та девчонка, которая предпочитает испробовать все на своем опыте, а не наблюдать сквозь окно, как жизнь проходит мимо.

Пиппа медленно выдохнула. Затем кивнула и отпустила руку Селины.

Будто мотылек к мерцающему огню, Селина подлетела к янтарному свету, окружающему стол рулетки. Она остановилась с краю, и кончики ее пальцев кольнуло от предвкушения.

Крупье подвинул стопку фишек, сделанных из панциря черепахи, отдавая их последнему выигравшему. Он дождался, пока игроки сделают новые ставки, затем продемонстрировал всем маленький шарик из слоновой кости, прежде чем раскрутить колесо в одном направлении и кинуть шарик в другом. А потом: «*Тик, тик, тик...*» Колесо рулетки раскручивалось все быстрее и громче, пока один щелчок не начал переходить в следующий.

– *Rouge seize!*⁴⁴ – объявил крупье, когда шарик из слоновой кости замер на красном квадрате с цифрой шестнадцать.

На другой стороне стола три товарища (две женщины с темной кожей и мужчина с блестящим лицом) забормotalи на французском между собой, прежде чем делать новую ставку. На руках у обеих женщин красовались кольца с большими, грубыми обломками необработанного камня, оправленными в чистое золото.

Селина поискала глазами забракованные фишки, желая присоединиться к игре, несмотря на свою неудачливость. Ее взгляд замер на троице, и вдруг она кое-что осознала. Все они были невероятно привлекательны. Их кожа словно сияла в тепле новомодных электрических светильников над головой, а в зрачках их глаз плясало пламя. Когда они двигались, воздух вокруг расступался, точно дым.

Селина моргнула, словно пытаясь смахнуть ресницами что-то затуманивающее ее зрение, и даже ее губы невольно разжались.

– Прелестно, – прошептал мужской голос над ее левым ухом, его баритон заставил ее опомниться.

– Что, простите? – ответила Селина, поворачиваясь.

– Вы могли бы стать моим талисманом удачи, дорогая. – Локоть молодого человека едва заметно задел ее руку, когда он склонился ближе, его начисто выбритое лицо выглядело лукавым. Он тоже был безоговорочно красив, с лицом как у ангела, выражение которого решительно не сочеталось со светлыми херувимскими кудрями, падающими ему на лоб. И снова Селина удивилась – тому, какими яркими были его глаза. Какой глубокой была синева, звенящая в них.

Несвойственной людям.

⁴⁴ Шестнадцать красное! (*фр.*)

Эта мысль напугала Селину. Но она откинула ее вместе с прядью волос, возвращаясь к тем размышлениям, которые казались более простыми.

– Я предпочитаю быть своим собственным талисманом удачи, сэр. – Расправив плечи, она встретила его пронзительный взгляд.

Он покрутил кубики в своей руке, светлый локон упал ему на глаза.

– Могу поспорить, вы никогда не играли в рулетку.

– Тогда вы поспорили бы зря, – соврала Селина. Она протянула к кубикам руку. – Возможно, я лучший игрок в рулетку, которого вы встречали.

Он рассмеялся.

– Я чувствую вкус твоего обмана, моя прекрасная маленькая лгунья, – прошептал он.

– Что? – Селина опустила руку, сделав шаг назад, сбита его словами с толку.

– Сладкий привкус лжи оседает на моем языке.

И опять Селина сделала шаг назад, почти врезавшись в Пиппу.

– Бун, – укоризненно позвал женский голос из полумрака. – Не веди себя как животное. Тебя уже предупреждали.

Молодой человек вскинул обе руки в воздух, давая понять, что сдается, и ушел в ту же секунду, однако сначала подмигнул Селине.

– *Fantastique!*⁴⁵ – тот же женский голос воскликнул за спинами Пиппы и Селины, воскликнул так, будто ничего серьезного и не произошло. – Я не думала, что вы и правда придете. – Тонкий силуэт скользнул из темноты на свет.

Селина раскрыла от удивления рот.

– Конечно, я *надеялась*, что вы придете, – продолжала Одетта, лучезарно улыбаясь, и подняла бокал с красным вином в знак приветствия. – Однако не стала бы ставить на это деньги.

Если бы девушка не заговорила сначала, Селина бы ее не узнала. Скромный милый наряд, в котором Одетта была сегодня днем, исчез. Единственной знакомой вещицей осталась ее камешка из слоновой кости с оправой из рубинов кроваво-красного цвета.

Одетта была одета как джентльмен. Брюки из мягкой оленьей кожи и белоснежно-белая рубашка с объемными рукавами, поверх которой изысканный жаккардовый жилет бледно-зеленого цвета. Цепочка огромных золотых часов висела на груди Одетты. Однако *pièce de resistance*⁴⁶ был ее филигранно завязанный шелковый шейный платок с той самой камешкой в центре. Ее каштановые волосы были собраны назад в простой узел на затылке.

Их изумленное молчание вызвало у Одетты легкую улыбку. Она выразительно покачала бокалом.

– Не может быть, вы в... брюках! – признала Пиппа секунду спустя, широко распахнув глаза.

– Я чувствую себя в них невероятно свободной. – Одетта двинулась вперед, положив руку в перчатке на свой карман. – Иногда мне нравится носить корсеты, пышные юбки и шелка. Но иногда полезно носить и брюки.

Хотя Селина и потеряла дар речи от одного вида этого наряда, приятное чувство восхищения зародилось в ее душе. Хитрая улыбка угрожала вот-вот заиграть на уголках ее губ.

Как... заманчиво.

Селина прочистила горло.

– Конечно, мы пришли, – начала она, будто ничего необычного и не произошло. – Я сказала, что приду, а я не люблю не сдерживать своих слов. – Селина переминалась с ноги на ногу, пытаясь получше рассмотреть наряд Одетты своим натренированным взглядом. – Про-

⁴⁵ Замечательно! (*фр.*).

⁴⁶ Главное блюдо (*фр.*).

стите меня, но у вас там пятнышко, – кивнула она на рубашку Одетты, где крошечная капля красного вина (а может, румян) въелась в безупречно чистую в остальных местах материю.

Одетта устремила глаза вниз, дернув свой воротничок пальцами в перчатке.

– Merde⁴⁷, – выругалась она тихо. – А я думала, что была аккуратна.

– И румяна, и красное вино легко вывести каплей белого вина или водой с тоником, – предложила Селина. – В остальном вы выглядите безупречно.

– Правда? – Одетта наморщила нос, определенно наслаждаясь услышанным комплиментом.

Селина кивнула.

– Подобного цвета жилет отлично вам подходит, а крой выглядит просто идеальным, хотя я бы и предпочла французскую строчку на краях изделия вместо обычного стежка назад иголкой.

– Французская строчка лучше? – поинтересовалась Одетта, ставя свой бокал вина на ближайший столик.

– Разумеется. – Селина даже не моргнула. – Она же французская.

Одетта рассмеялась.

– Вы просто прелесть, mon amie⁴⁸.

Селина почти улыбнулась в ответ, но что-то ей не позволяло. Вынуждало ее держать дистанцию, по крайней мере пока. В прошлом, когда она была слишком откровенна с людьми, это только приносило ей несчастья.

– Я никогда не видела такого способа завязывать платок. – Она кивнула на шейный платок Одетты.

– О, это обычный узел, так завязывали платки в начале века. – Глаза Одетты сияли, как бледное золото. – Я считаю, что у мужчин эпохи Регентства было лучшее чувство стиля, а вы?

Селина на секунду задумалась.

– Отчасти мне хочется согласиться. – Она сделала паузу и продолжила: – Однако я признаю, что никогда не любила цилиндры. Мужчинам ни к чему дополнительный рост, они и без того заправляют делами сполна.

Одетта согласно хмыкнула.

– Какую бы шляпу вы выбрали для этого наряда? – спросила она. – Кепку? Котелок?

– Сказать честно, мне больше нравится вовсе без шляпы, однако я знаю, что так не делается. Если бы вы вышли в таком виде на улицу днем, я бы порекомендовала шляпу с полями. Местная погода этого требует.

– Что ж, тогда соломенная шляпа? – Одетта постучала указательным пальцем по своему подбородку.

Селина нахмурилась.

– Нет. Что-нибудь... другое.

Что-нибудь, что не будет напоминать ей о Себастьяне Сен-Жермене.

Селина сглотнула, задумавшись, почему ее мысли унеслись в направлении именно этого стиля именно в этот момент. Раньше он никогда не казался ей запоминающимся. Когда Селина покосилась на Пиппу, то заметила, как подруга глядит на нее, склонив набок белокурую голову. Словно она слышала ложь, зарытую глубоко в мыслях Селины.

Почувствовав себя из-за этого неудобно, Селина решила взяться за назначенное дело.

– Итак, где мы можем найти укромное место, чтобы снять мерки? – спросила она у Одетты.

Одетта уперла руки в бока и повернула голову в сторону.

⁴⁷ Дерьмо (фр.).

⁴⁸ Друг мой (фр.).

– Я не против снять мерки прямо здесь. – Ее фраза звучала так, словно она бросает вызов.

Таким образом просто так не поступают. Однако опять же Одетта определенно наслаждалась тем, что нарушала установленные правила. Почему же нынешняя ситуация должна быть иной? Приняв равнодушный вид, Селина потянулась во внутренний карман своей юбки и достала ленту для снятия мерок.

Она отказывалась быть побежденной или ущемленной.

Даже если Одетта щеголяет в брюках сегодня.

Пока Селина снимала мерки с груди Одетты, она краем глаза следила за публикой и заметила вдалеке игру в шахматы. Никто из игроков не двигался, несколько секунд их взгляды были прикованы к черно-белой доске. Затем белый король рухнул без чьего-либо прикосновения. В следующий миг все фигуры стали занимать новые места без посторонней помощи, скользя по доске, словно затянутые в торнадо, а затем победитель протянул ладонь, пожимая руку своего соперника и улыбаясь ему.

– Ч-что? – запнулась Пиппа. – Что произошло?

Селина тоже вытаращилась, не веря своим глазам.

– И самое главное, как? – добавила она.

– Нечему так поражаться, – отозвалась Одетта с усмешкой. – Это простой трюк для опытного фокусника.

Пиппа покосилась на нее, вскинув вопросительно брови.

– Вы имеете в виду... магию?

– В каком-то смысле, – кивнула Одетта. – Это место, где оккультные студенты, – она замешкалась, подбирая подходящее слово, крутя руками в воздухе в такт своим мыслям, – собираются вместе.

– Вроде игорного дома для магов? – Сомнения отразились на лице Селины, когда она продолжила снимать мерки с рук и плеч Одетты.

– Я бы не назвала нас магами, – ответила та. – Мы предпочитаем, когда нас называют иллюзионистами или менталистами.

Пиппа кивнула.

– Я видела представление менталиста однажды, недалеко от Лондона. Он превратил воду в чернила, а букет лилий в стаю голубей. – Она сделала паузу. – Члены вашего общества тоже дают представления?

– Некоторые – да. – Одетта подняла плечо, получив молчаливый укор от Селины. – Однако большинство из нас предпочитают просто встречаться здесь, чтобы отточить свое мастерство. – Пауза. – Благословение, что у нас есть подобное место. Были времена, когда все было совсем не так... – Лицо Одетты посуровело, и голос стих. А затем она лукаво улыбнулась.

Селина дышала осторожно, пока снимала мерки, а ее тревога нарастала с каждой секундой. Что-то в объяснениях девушки ее смущало. Знакомое чувство. Тот вид объяснений, который давала Селина в последнее время, – лишь скелет настоящей правды.

– Какого рода менталист вы сама? – спросила она непринужденным голосом.

– Того, который предсказывает будущее. – Одетта произнесла слова, точно это был общеизвестный факт. – В древности нас называли звездочетами, однако посвященные в тайну в этих кварталах зовут нас прорицателями.

Пухлые губки Пиппы раскрылись от удивления.

– Получается, вы уже знаете все, что только случится? Все, что я сделаю или скажу? – Она покосилась по сторонам с очевидным волнением. – Даже то, что я думаю или чувствую?

Одетта покачала головой.

– Я лишь знаю, что может произойти, в зависимости от решений, которые вы примете.

– Просто... – Пиппа сглотнула, – взглянув на меня?

– Нет. Физический контакт для меня необходим, чтобы предвидеть определенные моменты с достаточной ясностью.

Пока они разговаривали, Селина хранила молчание, боясь, что скажет что-то не так. Она сделала паузу, чтобы записать последние снятые мерки, однако недоверие жгло ей вены, когда она вспомнила, как Бун заявил, что чувствует привкус ее лжи на своем языке. «Такое просто невозможно», – кричал ее разум, требуя внимания к себе. Ее сердце тем не менее полагало иначе.

Селина не могла отделаться от мысли, что сегодняшним вечером ее окружает нечто потустороннее здесь, в «Жаке». Более того, она помнила их первую встречу с Одеттой днем. Как зрачки Одетты расширились, когда она коснулась руки Селины.

Предсказательница что-то видела, пусть и на кратчайший миг времени.

Очарованная возможностями такого таланта, такой силы, Селина опустила измерительную ленту, и карандаш выпал из ее губ. Она понимала, что рискует, но ей просто хотелось знать, раскрыла ли Одетта ее тайну.

– Что вы видели?

Пиппа повернулась к ней, озадаченная вопросом.

Одетта встретила взгляд Селины, и по ее глазам стало ясно, она понимает, к чему вопрос.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она с наигранной невинностью.

– Сегодня днем, – продолжила Селина, не моргнув и глазом, – когда вы взяли меня за руку, что вы увидели?

Улыбка Одетты исчезла.

– Я увидела лишь кадры возможных событий. Кружева все затмевали. – Она вскинула руку в перчатке. – Это порой раздражает, но это необходимо. Легко потерять связь с реальностью, если бродишь среди звезд.

Селина выпрямила плечи. Затем протянула руку, не сводя глаз с Одетты, решив во что бы то ни стало узнать, владеет ли она какой-то опасной информацией.

– Пожалуйста, скажите мне, что вы видели. Я хочу знать.

Как уже делала сегодня, Одетта едва наклонила голову, раздумывая.

– Ты точно уверена, *mon amie*? Знать, что случится, вовсе не означает избежать того, что случится.

Селина кивнула:

– Я уверена.

Одетта сняла лайковую перчатку со своей правой руки. Не мешкая, она положила свои холодные пальцы на ладонь Селины и закрыла глаза. Улыбка снова появилась на ее губах.

– *La dompteuse des bêtes*, – пробормотала она через мгновение. Открыла глаза, и в них отразился веселый блеск. – *Je le savais!*⁴⁹ – поздравила она.

– Укротитель зверей? – перевела Селина с растерянным лицом. – Я ничего не понимаю.

Одетта не ответила. Ее губы сжались, точно она проглотила что-то кислое. Она медленно сглотнула и снова на миг зажмурила глаза. Что бы она ни увидела теперь, это заставило ее испугаться.

Пиппа прикусила нижнюю губу, а Селина почувствовала, как беспокойство крадется по ее позвоночнику, точно мелкие крупинки пота. Она сильнее сжала руку Одетты, ощущая, как теплеет ее кожа с каждой секундой.

– Что? – шепнула она. – Что такое?

И тут Одетта резко отдернула руку, освобождаясь от хватки Селины. Ее глаза распахнулись, черные зрачки широкие, блестящие, расфокусированные.

⁴⁹ Я знала! (*фр.*).

– Я не могла... – она умолкла, точно потерявшись. Затем выпрямилась точно солдат и одарила Селину очаровательной улыбкой. – Прости, mon amie, но твое будущее слишком размытое, чтобы я могла что-то рассмотреть.

Селина ей не поверила.

– Что это значит?

Одетта пожала плечами.

– Это значит, что твоей жизни еще предстоит принять свой курс. – Ее смех походил на бурлящие в шампанском пузырьки, легкие, беззаботные и воздушные. – Однако не беспокойся. Вскоре мы можем попробовать еще раз, я обещаю.

Селина заставила себя проглотить возражения. Магия Одетты оказалась вовсе не такой впечатляющей или полезной, какую она надеялась лицезреть. Однако еще была вероятность того, что эта девушка намеренно скрывала от Селины то, что увидела. Ни то ни другое не удовлетворяло Селину, но будет невежливым дальше требовать разъяснений на публике.

Словно ничего необычного не случилось, Одетта перевела взгляд на Пиппу, протягивая ей свою руку без перчатки.

– А ты хочешь попробовать?

Пиппа сделала шаг назад.

– Пожалуйста, не обижайтесь, но я предпочту, чтобы мое будущее стало для меня сюрпризом.

И снова воздушный смех сорвался с губ Одетты.

– Умница!

– Но, – добавила Пиппа, нахмурившись растерянно, – мне и правда интересно, как это работает. Вы рождаетесь с подобным талантом или же обучаетесь ему?

Одетта склонила голову сначала на одну сторону, а затем на другую, безмолвно балансируя между своими мыслями, как грузом на весах. Прежде чем ответить, она обратно натянула свою перчатку:

– Многие женщины в моей семье владели талантом предвидения. А это место дало мне шанс развить свой талант, не сталкиваясь с осуждением и предрассудками. Для таких, как я, это самое безопасное место из всех, какие только бывают. – Ее улыбка стала печальной, прежде чем снова озарить всех своим очарованием. – По правде сказать, это место совсем не похоже на все остальные.

– Кассамир назвал его La Cour des Lions, – сказала Селина.

– То есть... Львиное Сердце? – попыталась перевести Пиппа.

– Львиные Чертоги, – вежливо поправила Селина.

Глаза Пиппы округлились, когда она осознала то, что Селина осознала не так давно. Вот, снова Селина виновата в том, что затащила подругу в дебри острых, как бритвы, алмазов.

Может, это просто-напросто ее судьба – быть вестницей горя.

Одетта закатила глаза.

– Это вина не Кассамира. Это вина Бастьяна. Вот уж правда, этот парнишка может продать снежный ком пингвину. – Она рассмеялась. – Вы даже не представляете, какой он на самом деле драматичный. – Ее лицо стало грустным. – Ах, но если бы он услышал, что я это говорю, то устал бы на меня своим взглядом, напоминающим кинжалы, пока я не извинюсь. И правда, он все же еще такой ребенок.

Потерявшись в словах Одетты, Селина не сразу сообразила их смысл. Ее кровь похолодела.

– Бастьян? Вы имеете в виду Себастьяна Сен-Жермена?

Одетта уставилась на нее.

– Да, это он. Un vrai demon, n'est ce-pas?⁵⁰ – Она шмыгнула носом. – По крайней мере на его личико приятно смотреть. Вы хоть раз видели более очаровательного дьявола?

– Нет, – призналась Селина. – К сожалению, не видел и он сам.

– Parfait! Simplement parfait!⁵¹ – Одетта хлопнула в ладоши, ее смех взвился вверх к кессонам потолка. Затем она продолжила беседу, не прерываясь, даже чтобы набрать в легкие воздуха.

Где-то высоко в облаках (или глубоко в огненной яме) какое-то потустороннее существо наверняка веселилось, наблюдая за Селиной. Ее плечи опустились, а губы сжались в тонкую линию, пока слова продолжали литься с губ Одетты, как вино на празднике Вакханалии.

– Дяде Бастьяна принадлежит все это здание и еще несколько домов во Французском квартале, – сказала Одетта. – Конечно, вы слышали о графе Сен-Жермене. Богат как Croesus⁵² и очарователен как грех. А Бастьян – его единственный наследник – факт, который не оставляют без внимания юные особы почти всего нашего города, несмотря на... беспокойство многих в нашем обществе относительно его предков. – Ее смех приобрел лукавый оттенок. – Могу поспорить, деньги решают большинство проблем, не так ли? – Она подмигнула. – Хотя я сама говорю лишь на трех языках, а граф знает девять и может процитировать все Священное Писание по щелчку пальцев. А еще он огромный фанат... – она оборвала свою речь, когда увидела затуманенный взгляд Селины. – О, ну да я много болтаю. – Одетта заговорщицки склонилась к Пиппе, которая стояла сбоку, смыкая и размыкая пальцы. – Не верьте всем жутким слухам. Дядя Бастьяна – замечательный человек. Когда родители Бастьяна умерли, он взял его к себе и заботился о нем, как о собственном сыне.

Селина прочистила горло, шокированная таким количеством информации.

– Я впервые слышу о графе, а с его племянником... познакомилась лишь нынешним вечером.

Одетта наклонила голову.

– Граф сейчас не в городе, но подозреваю, что Бастьян прибудет сюда с минуты на минуту. – Она оглядела устилающий полы ковер, ее взгляд проскользил между ножками стульев. – В любом случае глядите в оба, вдруг заметите Туссена.

– Что? – Селина вновь вспомнила, как двигаться. – Мы должны искать что-то... на полу? – После лицемерия шахматной партии, которая разыгралась сама по себе, Селина не хотела, чтобы ее поймал озорной стол в зале или табурет со странным чувством юмора.

– Не беспокойтесь. Это пустяки. – Одетта снова сделала жест руками, и Селина расценила его как волнение. – Туссен... это бирманский питон Бастьяна. – Следующие слова она произнесла на одном дыхании: – Правда, он совершенно безобидный. Маленький ангелок дорожит своим покоем и не обидит даже мышку. – Она скорчила гримасу и прикусила губу. – Zut alors⁵³. Не в буквальном смысле, конечно же. – Лицо Одетты вновь просияло. – Погодите немного. Вы и не заметите, как станете лучшими друзьями.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы сложить воедино бессвязные слова Одетты.

Бирманский питон Бастьяна.

Огромная змея Бастьяна.

При мысли о змее, о которой шла речь и которая должна была вот-вот появиться, Пиппа издала тихий писк и отскочила назад, ища стул или что-нибудь, куда можно забраться. Селина же приросла к полу, знакомый раж пробежал по ее венам.

Одетта уныло на них посмотрела.

⁵⁰ Настоящий демон, не правда ли? (фр.).

⁵¹ Отлично! Просто отлично! (фр.).

⁵² Крёз (фр.) – легендарный царь Лидии. Считается, что он первым начал чеканить монеты и поэтому слыл жутким богачом.

⁵³ Черт возьми (фр.).

– Иногда Туссен любит обвиваться вокруг чего-нибудь теплого, но, пожалуйста, знайте, что вам нечего бояться. Я упомянула о нем лишь по одной причине: если не знать, что вы видите, это может слегка... напугать.

– Змея? – взвизгнула Пиппа, глядя по сторонам так, словно мечтала враспику в панель на стене за своей спиной. – Что за человек выбирает в качестве домашнего питомца змею?

– Люцифер, – отозвалась Селина спокойным голосом. – Люцифер бы выбрал змею в качестве домашнего питомца.

Смех сорвался с губ Одетты, когда она потянулась к своему бокалу вина.

– Ах, вы обязаны мне рассказать, что случилось, когда вы познакомились сегодня. Как чудесно!

Селина втянула щеки, чтобы ее негодование не вырвалось на свободу.

Голубые глаза Пиппы обшаривали пол, она покусывала губы, а пальцами вертела золотой крест на шее.

– Мы повстречали мистера Сен-Жермена по пути сюда. Он не... – она колебалась, – такой великодушный, каким должен был бы быть.

– Не удивлена, услышав подобное, – сказала Одетта. – Бастьян словно герой детской песенки. Когда он добрый, он очень, очень добрый. Когда же он злой... Уверена, вы поняли, к чему я клоню.

Селина определенно поняла. Однако она не желала тратить и дальше свое время на то, чтобы размышлять об этом юноше и его дурацкой ручной змее. Потребуется усилие, но Селина сможет перестать думать о... чем бы это ни было, что вызывает у нее такой нездоровый интерес к этому прекрасному парню.

По правде сказать, она совсем не понимала этого. Их знакомство длилось едва ли дольше нескольких минут, а смазливый личик был явно недостаточно, чтобы отвлечь ее от всех его неподобающих поступков. До рассвета, Селина была уверена, она сможет взять под контроль свои эмоции.

Ничего хорошего не выходит, когда чувства вырываются на свободу.

Ее глаза остановились на картине в позолоченной раме на другой стороне зала. Она позволила своему зрению расфокусироваться, пока вокруг не заблестело жидкое золото. Селину раздражала мысль, что ее внимание к парню вроде Бастьяна показывало, насколько она сама сломана внутри. За один короткий вечер он стал занозой в боку Селины. Напоминанием, что с ней что-то не так.

Может, в этом все дело. Может, это вовсе не восхищение. Может, это влечение к существу, которое скрывается в ней самой. Не так давно это существо даровало ей невероятную власть над ее мучителем и свободу распоряжаться его жизнью.

Однако еще оно сделало ее убийцей.

Выражение лица Селины посуровело. Нет, она должна покончить с этими мыслями. Немедленно.

И это сработало бы. Позже Селина могла поклясться, что была на расстоянии вытянутой руки от победы, от желания засунуть все, связанное с Себастьяном Сен-Жерменом, в темную бездну. Заставить его исчезнуть навсегда.

Все бы пошло, как она задумывала.

Если бы только не пронзительный вопль, который неожиданно разнесся по залу.

Призрак

Визг Пиппы, от которого кровь стыла в жилах, заполнил помещение, отражаясь от панелей на стенах и заставляя золотые кисточки на портьерах дрожать. Он разделил пространство на две части, точно разрыв на ворсистом ковровом покрытии. Пробуждая адские недра глубоко под землей.

Такой визг поистине вызывает восхищение.

В тот самый миг, когда крик сорвался с губ Пиппы, все в Львиных Чертогах подскочили и напряглись, готовые спасаться бегством. Одетта бросилась к Пиппе, чуть не опрокинув свой бокал с вином, и темно-красный напиток расплескался на юбку Пиппы. Прежде чем Селина успела моргнуть, стильный мужчина с Дальнего Востока уже двигался им навстречу, вертя в руках перламутровый кинжал. Он остановился рядом с Пиппой, перекидывая свой кинжал из одной руки в другую. Бун снова появился поблизости, вертя в руках ножик для колки льда. Две женщины с необработанными камнями в кольцах выгнули спины, точно пантеры, готовые нападать, их пальцы изогнулись, как когти, и их драгоценности стали больше похожи на оружие, чем на украшение. Победитель же последней шахматной игры просто-напросто положил на стол перед собой пистолет, на его бородастом лице не отразилось ни капли тревоги.

Селина вцепилась в локоть подруги, дергая ее поближе к себе и укрывая своим телом, словно щитом.

– Что случилось? – спросила она тихим голосом. – Ты в порядке?

Уголки губ Пиппы виновато опустились.

– Я... мне показалось, что-то коснулось моей ноги, – призналась она, переводя дыхание, все еще с испугом озираясь по сторонам. – Наверное, померещилось. – Сделав паузу, она произнесла громко, так, чтобы все в зале ее услышали: – Я прошу прощения за то, что всех напугала. Ничего не случилось. Пожалуйста, примите мои глубочайшие извинения.

Однако все те, кто приготовился к атаке, не отступили. Многие продолжили глядеть на Пиппу с беспокойством, и глаза их озадаченно мерцали. Снова в голову Селине закралась старая мысль:

«Не от мира сего».

Но ведь это же невозможно. Не так ли? Одно дело – верить в фокусы и иллюзии. И совсем другое – верить в существ из детских сказок.

Пиппа сделала большой вдох, ее щеки порозовели.

– Мне правда жаль, – сказала она снова, еще громче, одновременно пытаясь стряхнуть с юбки вино, пока то не въелось в материю окончательно.

– Хватит уже извиняться, – пробормотала Селина. – Чтоб эта проклятая змея с ее владельцем оспой заразились.

Затем, точно возглас Пиппы каким-то образом просочился сквозь панельные стены, одна из двух дверей на другом конце зала распахнулась, и поток холодного ветра пронесся мимо, покрывая мурашками кожу на шее и груди Селины. Сначала в дверях никого не было видно, но потом те, кто стоял рядом, немного посторонились, явно пропуская кого-то – или что-то.

– О, а вот и он, – просияла Одетта.

Пиппа потянулась к Селине, когда огромная змея, чью чешую усыпали темно-коричневые пятна с черной окантовкой, поползла по коврам. Страх и возбуждение наполнили тело Селины. Она начала было отступать в сторону, когда змея приблизилась, однако Пиппа держала подругу крепко, вцепившись пальцами в ее запястье.

– Они чувят страх, – пробормотала Пиппа.

– Откуда ты знаешь?

– Прочитала где-то.

– Что за бред. – Одетта сняла испачканные вином перчатки. – Формально они ничего не чувствуют. Лишь пробуют все на вкус своим языком.

Селина бросила испепеляющий взгляд в сторону Одетты, когда змея проползла мимо них и исчезла в колышущихся шторах цвета индиго у окна. Но даже когда питон исчез, Пиппа не ослабила свою мертвую хватку на запястье Селины.

– О, чепуха-а! Туссен никого не обидит, – заверила их Одетта, сунув свои оголенные руки в карманы. – Однажды он обвился вокруг Арджуна, но это казалось страшным всего на минутку. – Она сделала паузу, припоминая. – Да и этот преступный поглотитель вкусов того заслуживал.

– Что... что он сделал? – спросила Пиппа.

– Очевидно, истребил слишком много вкусов. – Парень, о котором шла речь, усмехнулся у Пиппы за спиной. Его британский акцент стал еще менее различим, явно разбавленный алкоголем.

Селина обернулась на Арджуна в изумлении, отметив про себя его покрасневшие костяшки пальцев и растрепанный внешний вид. Ненавязчивое напоминание о том, что, несмотря на свою доброжелательную наружность, этот ост-индский юноша был вовсе не тем, кем казался на первый взгляд. В конце концов, ему как-то удалось пересечь зал совершенно незамеченным, точно тень, проскользнувшая сквозь облако дыма.

Пиппа резко развернулась с несвойственным ей отсутствием грациозности и чуть было не поскользнулась на ровном месте. Она бы точно рухнула на пол, если бы Арджун не успел приобнять ее за плечи, чтобы помочь восстановить баланс.

– Держу тебя, милая моя, – сказал он с лукавой полуулыбкой.

Испуг исказил лицо Пиппы на долю секунды. В следующий миг она оттолкнула его с удивительной для ее хрупкой фигуры силой. Арджун шлепнулся на пол, приземлившись на ягодицы, его жилет съехал набок, а монокль запутался в цепочке на шее.

Селина пыталась сдержать себя, но ей не удалось. Пришлось прикрыть губы тыльной стороной ладони. Через миг и Одетта хваталась за Селину, гогоча вместе с ней. Странно, но Пиппа не присоединилась к всеобщему веселью. Она зажала рот обеими ладонями. Покраснела и бросилась помогать Арджуну подняться, протянув ему руку.

На что получила рассерженный отказ.

– Мне так жаль! – сказала она, румянец уже заливал ее шею. – Я не думала, что вы окажетесь таким...

– Услужливым? – подсказал он.

– Разогретым, – закончила свою фразу Пиппа, смущаясь.

Арджун поднял на нее глаза с любопытством, затем ухмыльнулся, однако так и не принял протянутую ему руку помощи. Вместо этого он покосился налево и свистнул, привлекая внимание недавнего чемпиона по шахматам. В следующую секунду долговязый паренек, чьи рыжеватые навощенные усы завивались на кончиках, подошел и поднял Арджуна на ноги со сверхъестественной силой.

– Ты как, в порядке, дружище? – спросил он с сильным акцентом кокни. Когда он выпрямился, то навис над всеми вокруг, точно башня, а его длинные тонкие руки и ноги делали его похожим на жердь. – Каждый махараджа такой неуклюжий и не умеет пить, как ты?

Арджун закатил глаза.

– Что за вздор. Не каждый человек в Индии махараджа, Найджел. – Он сделал паузу для пущего эффекта, проверяя, на месте ли его золотые запонки. – Как и не каждый англичанин джентльмен.

– Паршивец!

– Гадкий империалист.

– Неуклюжий придурок!

– Переросший сук.

Навощенные усы Найджела дрогнули. Затем он запрокинул назад голову и захохотал. Его смех звучал так жизнерадостно, что Селина невольно улыбнулась.

– ¿Qué está pasando, Odette?⁵⁴ – Глубокий голос оборвал эту *mêlée*⁵⁵, звук раскатился эхом за их спинами.

– ¡Hostia!⁵⁶ – вздрогнув, воскликнула Одетта. Она вскинула сжатые в кулаки руки, готовясь защищаться. – Прекращай пытаться меня напугать, задница ты ослиная. Te dije lo que sucederá la próxima vez...⁵⁷ – Она начала тараторить так быстро, что Селина уже не могла ничего разобрать, испанские слова срывались с губ Одетты с невероятной легкостью.

Арджун и Найджел переглянулись. А затем не мешкая отправились к столу рулетки на другом конце зала.

Одетта продолжала отчитывать новоприбывшего за спиной Селины. Однако Селина не хотела оборачиваться. Ей это было не нужно, чтобы понять очевидное. Ее пульс застучал в горле, когда она ощутила его тепло. Чувство, будто ее одновременно тянет к нему и отталкивает, как магнитом с противоположными полюсами, полностью завладело ей. Точно как в самую первую ночь, когда она только прибыла в Новый Орлеан, когда перед ним расступались люди без единого сказанного вслух слова, присутствие Бастьяна было осязаемым. Что-то словно менялось в самом воздухе вокруг, как дуновение ветра.

Существо внутри Селины зашевелилось под кожей, приходя в движение и оживая.

Нет. Селина Руссо – не флюгер. Присутствие Призрака не повлияет на нее, как на всех окружающих. Он никакой не особенный, как все привилегированные мальчишки, с которыми она сталкивалась в своем прошлом. Лишь еще одна испорченная пародия на титулованного мужчину. Она сделала глубокий вдох, твердо решив не поддаваться чувствам.

Селина почувствовала, когда взгляд Бастьяна остановился на ее шее. Волосы встали дыбом, заставляя спину покрываться мурашками. Он стоял так близко, что она могла учуять бергамот в его одеколоне. Привкусы цитруса и специй.

Этот мальчишка опасен. Слишком уж опасен. Как топливо для ее огня.

Она расправила плечи. Силясь во что бы то ни стало успокоить существо внутри себя.

Одетта продолжала отчитывать Бастьяна на смеси испанского и французского языков. Не проникнувшись ее тирадой, Бастьян спокойно и уверенно обошел Селину и Пиппу своей размеренной, грациозной походкой. Со времени их первого знакомства около часа назад он избавился от своего сюртука и закатал рукава свежей белой рубашки, поверх которой был явно сшитый на заказ шелковый жилет угольного цвета, а на внутренней части его предплечья стали видны любопытные черные отметины. Пренебрегая современной модой, он коротко стриг свои темные волосы, напоминая Селине бюст Юлия Цезаря, который она однажды видела. На плечах у него висела кобура из отполированной кожи, и револьвер поблескивал под правой рукой. Когда Бастьян встретился взглядом с Селиной, он поджал губы, и раздражение промелькнуло на его лице, сводя челюсти. Недовольство исказило прекрасные черты. Ни капли удивления или радости от встречи.

Отчего-то это придало Селине смелости. Ей захотелось показать ему свое презрение, как он показал ей свое.

– Ты все сказала? – спросил он тихо у Одетты, хотя его взгляд оставался неподвижным на Селине.

⁵⁴ Одетта, что происходит? (*исп.*).

⁵⁵ Перебранка (*фр.*).

⁵⁶ Ах ты ж черт! (*исп.*).

⁵⁷ Я предупреждала тебя, что случится в следующий раз... (*исп.*).

– Пока что, – шмыгнула носом Одетта. – Просто не делай так больше. Ты ведь знаешь, я ненавижу, когда меня застают врасплох. И не сомневаюсь, именно по этой причине тебе нравится так делать, *malquisto*⁵⁸.

Хотя ее тон и смягчился, приняв шутливую манеру, Бастьян не улыбнулся.

– *Responde mi pregunta. ¿Por qué está ella qui?*⁵⁹

– Нет. – Одетта скрестила на груди руки. – Я не стану отвечать на твой вопрос. *C'est impoli*⁶⁰. Эти дамы – мои гости, и я не обязана тебе объяснять, что они тут делают.

Взгляд Бастьяна посуровел, выражение лица стало мрачным. При любых других условиях, поняла Селина, его ледяной взгляд вселяет в людей страх. Вызывает желание подчиниться без лишних вопросов.

Она посмотрела ему прямо в глаза, так же холодно и сурово, чувствуя, как сердце стучит под ребрами. Селина ждала, когда он попросит их удалиться. В конце концов это здание принадлежало его семье. И неважно, что кто-то другой скажет иначе, было очевидно, что именно Бастьян заправлял Львиными Чертогами, начиная с резного потолка и заканчивая змеей, снующей по мягким коврам.

Люцифер в логове львов.

Однако Бастьян промолчал. Выражение его лица смягчилось, плечи опустились. Прежде чем Селина успела сделать выдох, очаровательная улыбка заиграла на его губах с таким природным достоинством, какое присуще лишь аристократам.

Наблюдая за этой трансформацией, Селина пришла в ярость.

Бастьян поклонился Пиппе.

– Добро пожаловать в «Жак», мадемуазель. Я Себастьян Сен-Жермен. *C'est un plaisir de faire votre connaissance*⁶¹. – Как виртуозный хамелеон, он склонился, чтобы поцеловать ей ручку.

Хотя щеки Пиппы порозовели от его прикосновения, она прочистила горло. Выдернула пальчики из его руки.

– Мы уже знакомы, сэр.

Селина не сдержала ухмылки.

– *Quel charlatan!*⁶² – Одетта фыркнула, делая глоток вина. – Они знают, кто ты такой.

Бастьян ничуть не смутился от этой насмешки над собой.

– Однако, как я полагаю, мы не представились друг другу официально.

– Тогда *permettez-moi*⁶³. – Лукавая искра блеснула в зрачках Одетты. – Сногшибательная юная особа справа от тебя с вороной копной волос и глазами, точно египетские изумруды, Селина... – она вдруг замолчала и рассмеялась. – Я только что поняла, что не знаю твоего полного имени, *mon amie*.

Селина протянула руку, всем своим видом показывая равнодушие.

– Меня зовут Селина Руссо.

Бастьян принял ее руку. Она почувствовала его мимолетное сомнение за миг до того, как он взял ее ладонь в свою. Легкую дрожь, точно он сделал ошибку в своих рассуждениях и осознал это слишком поздно. Огонь прокатился волной по ее руке, медленно разливаясь, словно существо в ее крови желало насладиться прикосновением. Прежде чем Бастьян успел наклониться, чтобы поцеловать ее руку, она отдернула свои пальцы.

⁵⁸ Негодяй (*исп.*).

⁵⁹ Ответ на мой вопрос. Почему она здесь? (*исп.*).

⁶⁰ Это грубо (*фр.*).

⁶¹ Рад познакомиться с вами (*фр.*).

⁶² Какой обманщик! (*фр.*)

⁶³ Позволь мне (*фр.*).

На его лице промелькнуло чувство, которое Селина не смогла прочесть, оно появилось и исчезло, прежде чем она успела его осмыслить. Затем улыбка Бастьяна приняла дикий изгиб, усмешку. Безмолвный вызов.

Это придало Селине еще больше сил. Если он собирается играть с ней в игру, она просто-напросто сыграет лучше. Селина покосилась на Пиппу и наклонила голову, позволив многозначительному огоньку блеснуть в глазах. Это был тот самый взгляд, который она наблюдала у бесчисленных женщин парижского общества, когда те переглядывались, словно только они знали какую-то прелестную тайну.

– А это моя хорошая подруга, мисс Филиппа Монтроуз.

Пиппа кивнула, ей явно было некомфортно. Хотя Одетта и пыталась принять вид полного равнодушия, наблюдая за происходящим, ее взор метался между Селиной и Бастьяном, словно она становилась свидетельницей распутывающегося клубка. Когда она заметила, что Селина тарашится на нее, то отвела глаза, уставившись на испачканную вином юбку Пиппы.

– Merde! – выругалась Одетта. – Вот я негодяйка. Совсем позабыла о твоём наряде. Пойдем со мной. – Она уверенно двинулась в сторону лестницы.

Пиппа затрясла головой:

– Не беспокойтесь обо мне. Это не...

– Вздор. – Одетта крутанулась на месте. – Я уверена, Кассамир найдет немного... как его там? – она щелкнула пальцами, звук разнесся по залу. – Тоника, чтобы оттереть пятна, как предлагала Селина.

– Это необязательно.

– Я настаиваю. – Одетта взяла Пиппу за руку. – Если ты не позволяешь мне почистить платье, тогда хотя бы позволь найти для тебя другое. Такая хорошая материя... вуаль, верно? – Ее лицо просияло, подсказывая, что новая идея зародилась в ее уме. – Мы можем пойти завтра вместе на встречу с моей модисткой. У нее не такой натренированный взгляд, как у Селины, да и образование не то, но она вполне умело обходится с...

– Пожалуйста, не утруждайте себя, мадемуазель Вальмонт. Это платье того не стоит. Оно очень старое. Оно... досталось мне от кузины. – Пиппа вздрогнула, признавшись, и что-то кольнуло сердце Селины. Очевидно, что Пиппе было больно признавать подобные вещи, и Селина понятия не имела почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.